

И. Северский
(Игорь Кириллов)

ИНЬ и ЯН

И. Северский
(Игорь Кириллов)

ИНЬ И ЯН

Стихи и поэма

Нижевартовск
2014

Северский (Кириллов) И.

С 28 **Инь и ян: Стихи и поэма.** — Нижневартовск:
Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014. — 144 с.

ISBN 978-5-00047-163-0

«Инь и Ян» – третья книга И.В. Кириллова (литературный псевдоним И. Северский). Название говорит само за себя: все произведения, представленные в сборнике – это рассказ о непростых взаимоотношениях между людьми, об отношении к северной природе, о сложных житейских коллизиях, преодолевая которые мы проходим свой путь.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, которых И. Северский приглашает в соавторы.

ББК 84(2Рос=Рус)6

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 14.10.2014
Формат 60×84/16. Бумага для множительных аппаратов
Гарнитура Times. Усл. печ. листов 9,25
Тираж 100 экз. Заказ 1620

Отпечатано в Издательстве

Нижневартовского государственного университета

628615, Тюменская область, г.Нижневартовск, ул.Дзержинского, 11

Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: izdatelstvo@nggu.ru

ISBN 978-5-00047-163-0

© Кириллов И., 2014

ПОЛЮБИТЬ ЭТОТ КРАЙ ТЯЖЕЛО...

Березы в снегу

Вдруг меня поманили
Березы в снегу
И лопатистый кедр, отливающий синью.
И почувствовал я, что без них не смогу, —
Оттого и уехал на Север России.
Где-то степи остались
В зазывном цвету,
В озорных переливах,
Гортанных и гордых.
И оставил я ту, —
Ту, которую очень люблю, —
Чтобы строить лобастый
И кряжистый город.
Чтоб себя самого
Испытать на излом
(Ведь от этого люди
Становятся крепче)
И увидеть, как в домнах
Полярных ветров
Отливают мужские упрямые плечи.
Вдруг меня поманили
Березы в снегу,
Край далекий, зовущий
Помериться силой.
И почувствовал я,
Без него не смогу, —
Оттого и уехал
На Север России.

Полюбить этот край

Птица ль с криком легла на крыло...
Дождь во мрак ли вползает тревожно.
В каждом звуке я слышу одно:
«Полюбить этот край – тяжело,
Разлюбить этот край – невозможно».

Полюбить этот край тяжело,
Двое суток идем бездорожьем,
Забивает глаза комарье,
Только все, что прошел, – то мое!
Разлюбить этот край – невозможно.

Пусть беда постучится в окно,
Пусть судьба ухмыльнется острожно,
Но со мной – как знаменье мое:
«Полюбить этот край – тяжело,
Разлюбить этот край – невозможно».

Я вернусь...

Я вернусь,
Прилечу посредине суровой, жестокой зимы.
Будет стыть подо льдом
Речка дивная с именем Ивдель.
Будут что-то ворчать о любви
Кедрачи-молчуны,
И ты выйдешь
Встречать меня, поутру выйдешь.

Будет стать твоя литься,
Как воск в серебре,
Будет простынь белее
Январского снега.
Будет в доме покой,
Будет хлеб на столе,
И зарей золотой расплескается нега.

Утону, пропаду в мятных кольцах льняных,
Задохнусь от негромкого первого стога.
Будет день бесконечен,
А вечер печален и тих.
И от счастья всплакнет
На иконе Мадонна.

Ты лампаду засветишь, пройдешь босиком,
По дубовым доскам пробегут твои ноги.
Встанет солнце —
И я не уйду с рюкзаком
По заснеженной и бесконечной дороге.

Конец сезона

Хранили кедрь сдержанную мудрость,
Похрустывала пальцами осина,
И сохраняли зимнюю упругость
Бесчисленные поймы и трясины.
Тайга была обширна и доступна,
Помалкивали ели домовито.
Но март уже капелями отстукивал
И наст ломал сохатому копыта.
Азартно лупят ружья за рекою
По глухарям,
А те пьяны любовью.
Пожухлый снег окрашивался кровью,
И слизывали псы ее гурьбой.
Есть у весны к опасности презренье.
Но подозренье – вид прозрения особый.
И сетовал уже на невезенье
Облаянный и выслеженный соболь.
Кликушествует рьяно воронье –
Деревья подло предали зверье
И молодая стельная лосиха
Поймала пулю – рикошетом.
От осины.
Так продолжалось около недели,
Затем хвосты у белок порыжели
И промышлять их стало не резон.
Закончился охотничий сезон.

Безветренно, морозно, тишина

Безветренно, морозно, тишина.
Туман на снег ложится пеленою,
Над крышею дымок,
А под трубою
Дрова в печи трещат, и печь красна.

Простое и уютное жилье,
Здесь пахнет хлебом, тмином и сосною,
Здесь все давно течет само собою.
Никто не помнит — кем заведено.

Здесь каждому отмерено свое,
Доволен всяк собою и судьбою,
Здесь все давно течет само собою
Никто не помнит — кем заведено.

Я постучусь в заветное окно.
Хозяева меня, конечно, впустят,
Я встречу утро новое без грусти.
Никто не помнит — кем заведено.

Здесь каждый новый гость
Как Новый год.
А Новый год встречают хлебом-солью,
Поделишься здесь радостью и болью.
Никто не помнит — кем заведено.

И будет дальше путнику легко.
Дорога в радость, а удача — рядом,
Здесь провожают только добрым взглядом.
Никто не помнит — кем заведено.

В белопенной седой стороне

В белопенной седой
стороне,
Где утесы сменяются
плесом,
Где ледовая дерзость торосов
Вызов
Вешней бросает волне.
К половодью,
К высокой воде
От тоски загибаются души
И предчувствие
мрачных удуший
Нас тревожит
в предутренней мгле.
Ни пути, ни просвета
Не видно.
И, как будто сквозь пальцы песок,
Протекает судьба.
И обида острым клювом
Стучится в висок.
Память наша, как старая рана,
Заунывно,
протяжно скулит.
И хрипчатый гудок каравана
Разобьется о скальный гранит.
И о чем-то далеком
Напомнит
В белопенной седой стороне
Этот хриплый гудок парохода,
Долетевший по вешней
Волне.
Мы с тобой,
Словно стылые птицы,
Вдруг попробуем стать
На крыло,
И презрев рубежи и границы,

Мы рванемся туда,
Где тепло.
Разминувшись с гусиною
Стаей,
Мы прорвемся навстречу
Весне,
Наши души навеки
В белопенной седой стороне.

Белый город

Надоело искать и терять,
Ждать, надеяться,
Помнить и верить.
Биться в стену,
В закрытые двери,
Поезда бестолково встречать.
Продираться сквозь
Заросли лжи.
Умываться чужими
Слезами.
Уходить проходными дворами
И в парадных заплеванных жить.

Пропаду я в далеких снегах.
Там тускнеют житейские драмы.
Там подземные кардиограммы
Чертит Время
На белых листах.
Здесь летят незаметно года.
Здесь удача – случайная радость.
Здесь имеют завидную слабость
На болотах растить города.

Белый город встает над землей.
Белый город, суровый и нежный.
Город Веры, Любви и Надежды.
Город, ставший моею судьбой.

В удачу поверив

Шалается шхуна по шхерам,
Как шлендра,
Скользит, словно тень,
От фиорда к фиорду.
И жаждут на шхуне:
«Поймать бы гольцов,
С полтонны гольцов —
Удальцов-молодцов».
А те, в свою очередь,
Гордо и твердо
Бесстрашно плывут
От фиорда к фиорду.
А им ли не ведать,
А им ли не знать,
Что в жесткие сети
Их могут поймать.
Но с детства науку они постигают:
Один убегает — другой догоняет.
И в этой науке
Они превзошли
Всех тех, кто на шхуне
За ними пришли.
И движутся, страстно в удачу поверив,
На Север,
Глубины и мели
Промерив.
От смерти спасают
Инстинкты отцов,
Таких же гольцов —
Удальцов-молодцов.
А те, на борту, кто удачу пытаются,
За верность отцам
Тоже тост поднимают.
В их жизни беспутной
Им служит примером
Отцовская мудрость,

Отцовская вера.
Вот так и гадают:
Так кто же сильнее?
И кто же кого здесь из них
Одолеет?
Вот только угрюмый седой
Капитан
Устало и грустно
Глядит в океан.
Лишь этим двоим
Знать дано достоверно,
Кто тут непременно
Окажется первым.
Чьи вера и мудрость
В борьбе победят.
Но оба заветную тайну хранят.
А шхуна выходит
Меж тем из фиордов,
Играя в пятнашки
С крепчающим нордом.
На Север уходит,
Волну разрезая.
А что будет дальше?
Да кто ж его знает.

Весенние заморозки

Потянуло домой,
Словно птицу весной
Тащит будто магнитом
К родимым гнездовьям.
Я брожу, как безумный —
Больной ли, шальной?
Я боюсь — не найти мне
Родимых зимовий.

Зимник рухнул,
Раскис.
Некрасиво течет,
Оголяя унылые ребра лежневок.
И предъявлен ему
Неоплаченный счет...
Плачет он по ночам,
Словно малый ребенок.
И живет в нем слепой и нелепый испуг:
Вдруг
Да все то, что было, да не повторится?
И глядит он с тоскою
Куда-то на юг,
Ведь оттуда летят быстрокрылые птицы.
Повернуло на холод —
С чего это вдруг?
Я почувствовал, что снова весел и молод,
Снова хочется жить мне в объятиях вьюг.
Повернуло
На холод, на холод, на холод.

Это к ночи вчера
Вдруг задули ветра.
И подернуло льдом бесконечные лужи...
Значит, мы на прорыв двинем завтра с утра.
Шансы есть,
Пусть немного, нам больше не нужно.

Мы пройдем, проползем
По знакомым местам...
Где по пойме, а где
Выбираясь на гривы.
Выйдем к дальним лесам —
Там горят небеса,
Там рассветы беспечны и малость
Ленивы.
А пока слышу я,
Как лютуют ветра.
И почувствовал, что снова весел и молод.
Можно спать безмятежно
Всю ночь, до утра.
Повернуло на холод, на холод,
На холод.

С фанатичным упорством в глазах
И приказом одним: «Не сдаваться!»
Мы опять возвращались назад —
К этой самой Р-двести семнадцать.
Трудный спор, как тяжелый топор,
Зависал вечерами над нами.
И вели мы мужской разговор
Между прочими всеми делами.
Срочно нам предстояло решать:
Уходить или все же остаться?
Хвост удачи могли мы поймать
У загадочной Двести семнадцатой.
Но иной был возможен исход —
А фонтан мог и не состояться.
Занимался кровавый восход
Над загадочной Двести семнадцатой.

Нынче, бросив на прошлое взгляд,
Молодею лет эдак на двадцать.
Мы тогда не искали наград
У загадочной Двести семнадцатой.
Фарт, азарт да напор молодой,
Полевое великое братство —
Это все обрели мы с тобой
У разведочной Двести семнадцатой.
А фонтан?
Да, он все-таки был.
Можно плакать, а можно смеяться —
Как он дерзко рычал и чудил
Там, на скважине Двести семнадцатой.
Много дел он лихих натворил,
Правда, было и чем восхищаться —
Как внезапно он мощно забил
Там, на скважине Двести семнадцатой.

Много всякого было потом,
Что ж, за временем нам не угнаться.
Вырос город с красивым лицом
Возле скважины Двести семнадцатой.
Он не знает о нас ничего.
А похоже, и знать не желает.
Много всякого люда в него
Приезжает, затем уезжает.
И как всякий заядлый плейбой,
Жаждет он богатеть, развлекаться...
Мы об этом мечтали с тобой
У заветной Р-двести семнадцать?
Впрочем, что тут теперь говорить?
С нами нашим мечтам оставаться —
Скромный памятник гордо стоит
У той самой Р-двести семнадцать.

Рюкзак

Что с него взять?
С рюкзака.
Он — рюкзак.
Верный и старый служака.
Выпить, бывает порой,
Не дурак,
Но не подводит, однако.
В лютую стужу,
В полуденный зной
Держится цепко за лямки.
Нас согревает, дружище,
С тобой
В ночь на холодной стоянке.
Сколько же внутренней
В нем доброты,
Сколько в нем скромности
Внешней,
Сколько домашней хранит
Теплоты
Этот бродяга сердечный.
Он истрепался в скитаньях,
Устал,
Жаждет затихнуть за
Печью.
Только нескоро желанный финал —
Снова заброшен за плечи.
Снова безропотно носит
В себе
Спички, патроны, консервы.
Тих и покорен нелегкой судьбе,
Зря не расходует нервы.
Где-нибудь там,
Возле самого дна,
Спрятан большой самородок.
Будто предвестник великого дня
Сам себе чудо природы.

Любит хозяин свой верный рюкзак,
Часто добром поминает,
Крепко пакует и эдак, и так,
Только вот не награждает.
Орден не светит ему, старику,
В должности не повышают.
Да и по выслуге лет рюкзаку
Пенсии не обещают.
Честно же, верой и правдой служил,
В дальних изорван маршрутах.
Песню геолог ему посвятил —
Вот она — славы минута.
Часто бывает — рассеется мрак,
Сам он с рассветом проснется.
Думает: вот, что с того, что рюкзак?
Ведь по делам воздается.
Может быть, и воздадут по делам, —
Может быть даже, до смерти.
Только не здесь — и ни мне, и ни вам.
И не ему, уж поверьте.

ИНЬ И ЯН

Ночь-воровка

Ночь-воровка нас бросила в бездну,
Наши души смешав и тела.
Все вокруг растворилось, исчезло.
Серый пепел – немая зола.
Но едва зацепился за крышу
Луч – посланник грядущего дня,
От тебя я впервые услышал:
«Все ты врешь, ты не любишь меня».

День был ярким, томительным, жарким.
Изумрудно блестела трава.
Мы гуляли в реликтовом парке.
Ты твердила: «Права я, права...»
Дни тянулись, а годы мелькали...
И желанием страстным маня,
Губы милой, как прежде, шептали:
«Все ты врешь, ты не любишь меня».
Чередую восторг и усталость,
Суждено нам по жизни идти,
Но осталась лишь самая малость –
Старость – грустный отрезок пути.
Нам в затылки натруженно дышит
Торжество ледяного огня.
Ну, а я?
Я по-прежнему слышу:
«Все ты врешь, ты не любишь меня».

Бабье лето

Подоспели тепло и грибы,
Бабье лето в реке
молодится.
То ли вдовушка,
То ли девица –
Ты попробуй поди, разбери.
Ты рискни-ка, попробуй
Узнай,
Где заветное зелье
Хранится,
Что всегда подсыпают
Жар-птицы
В полуночный, малиновый чай.
Лист малины
Да зелья щепоть,
Что всегда за божницей
хранится.
Дело к ночи,
И речь молодницы
Медом огненным
Вязко течет.

Золотится слеза на стекле

Заполняет бутылки ткемали,
Золотится слеза на стекле.
Вы тогда мне о чем-то шептали,
Вы слегка были навеселе.
Вы твердили, что годы уходят,
Что удача прошла стороной.
А потом, повинувшись природе,
Я пошел провожать вас домой.

Был тот вечер и пряным и
Дерзким.
Лился нежный тугой аромат.
Вот калитка захлопнулась
Резко.
Вот под нами ступени
Скрипят.
Песня старая панцирной сетки,
Всхлипы, стоны
Да лай за окном.
И налитые тяжестью ветви
Без надежды
Стучатся в стекло.

Что там дальше — припомню едва ли...
Только изредка вижу во сне.
Заполняет бутылки ткемали,
Золотится слеза на стекле.

Я хотел бы тебя лепить

Я хотел бы тебя лепить...
По субботам ходили бы в баню,
А по осени – за грибами –
Немудренная жизни нить.
Ночью стал бы тебя любить:
Вся распаренная, нагая,
Ребра мне сжимая ногами,
Ты б мою усмиряла прыть.
Я потом бы не смог говорить,
Тяжело поднимая веки.
Бормотал, что я твой навеки,
И в истоме просил бы пить.
Но земная теряется нить,
И за вечной невидимой прялкой
Уж иная сидит весталка
И о чем-то своем твердит.
Не о том она говорит,
И отлично все понимая,
Я киваю и ей внимаю,
А нутро все огнем горит.
Месяц косо глядит в окно,
Ровным все заливая светом.
Бабье лето уходит в Лету,
Но теперь уже все равно.
И стараюсь я все забыть,
А в углу засыхает глина.
О, мечты и надежды благие,
Вам недолго осталось жить.
Я хотел бы тебя лепить.

Ко мне приходит женщина одна

Ко мне приходит
Женщина одна —
Она мне не жена и не сестра —
И вешает на гвоздь
свое пальто.
Я ей никто,
И мне она — никто.

Ко мне приходит
Женщина одна.
Она необычайно холодна.
Снимает туфли, платье и лицо.
На тумбочку кладет
Свое кольцо.
К ее ступням скользит
Последний шелк.
А подо мною пол
Пошел, пошел, пошел...
Как будто бы
Скрещение ста дорог.
На нас ползет
Дощатый потолок.

И забытье,
И долгий жаркий стон.
Блаженный миг,
Короткий сладкий сон.

Затем спокойно
Женщина встает,
Привычно все свое
Она берет.
Вот с тумбочки взяла она кольцо.
Вот надевает
Платье и лицо.

Знакомый долгий
Поворот ключа,
Уж каблучки
На лестнице стучат.
За нею наблюдаю я в окно:
Я ей — никто.
И мне она — никто.

И снова дни
Без радости они,
Негромкими заботами полны.
Вот так проходят лето и зима.
Затем грядет весна,
А с ней — она.
И снова каблучки ее стучат,
И снова робкий поворот ключа.
Несмелый взгляд,
А в нем — немой вопрос.
Дурман ее духов и папирос.

Но в жестах вновь
Читается легко:
Ты мне — никто.
И я тебе — никто.

Пятая печать

Жить больше незачем,
но рано умирать.
Близки, близки
Предсказанные сроки.
Уже ветхозаветные пророки
Срывают с Книги
Пятую печать.
Увы, настало время отвечать
И попытаться смыть клеймо порока,
Но томный взгляд вакханки волоокой
Нам говорит, что надо посчитать:
А так ли точно выверены сроки?
О женский взгляд, о пятая печать,
Клеймо ветхозаветного пророка.

Она сочиняет рассказ

Она сочиняет рассказ,
Как море волнуется – раз.
И волны, как девичья грудь,
Вздымаясь, мешают уснуть.
Она подбирает слова,
Как море волнуется – два.
И как накрывает прибой – с головой,
Когда он уходит к другой.
А море волнуется – три.
Фигура на месте замри.
Седая дрожит голова,
Но все не приходят слова.
Нехитрый вальсок:
«Раз, два, три...»
Безмолвие,
Черный гранит.
Да золотом жарким –
Слова.
Их ночью метель намела.

Как долго мы с тобой живем?

Как долго мы с тобой живем?
День, а возможно, век?
Мы коротаем ночь вдвоем,
Мой нежный человек.
Люблю я на тебя смотреть,
Когда ты сладко спишь.
Цикады начинают петь,
Пронзив ночную тишь.
Беспечно плещется волна
О вековой валун,
А ночь свежа и молода,
А месяц пьян и юн —
Он бросил
Еле видный след
На тусклую волну:
Вот так ложится первый снег
На стылую стерню.
Я тороплюсь тебя обнять,
Укрыть и обогреть,
Но всех мгновений не собрать,
За всеми не успеть.
Чуть зазевался —
Холодок
Меж нами властно лег.
Наш милый, теплый огонек
Зачах и занемог.
И дней тяжелых кандалы
Запястья наши трут,
А прозевали мы всего
Лишь несколько минут.
Так нужно ли тогда считать,
Мой нежный человек,
Живем мы год, а может, два,
А может, целый век?
Мгновеньем надо дорожить,
В нем спрятаны века.

И пусть слеза не задрожит
У милой на щеках.
И будет легким долгий путь,
Секунд беззвучен бег.
Люблю я на тебя смотреть,
Мой нежный человек.

Бес в ребро

Бес рогами бьет в ребро,
Заставляет встрепетаться,
Воровато оглянуться
И в чужое лезть окно.
Отчего же «бес в ребро»?
Если страсти отгорели,
И уже давным-давно
Ты не слушал трель свирели,
Отчего тебя да вдруг
Перед утром кто-то будит?
Ты не видишь этих рук,
Не поймешь — что дальше будет?
То срываешься в запой,
Начинаешь лгать без меры,
Саблезубые химеры
Разрывают твой покой.
Все, чем раньше дорожил,
Заливаешь краской черной,
Пьешь из рук чужих покорно,
Бродишь средь чужих могил.
Но надежды слабой тень
Вдруг пронзит тоски завесу:
Вот моя проснется лень
И рога сломает бесу.

Ты попросишь...

Ты попросишь, и Бог простит
Много мелких моих грехов,
На галерах мне срок скостит
И подарит пяток стихов.
Он сквозь пальцы посмотрит на
Всю мою непутевую жизнь.
Мне он скажет, мол, жизнь одна,
Так что, парень, давай, держись.
Есть за что себя упрекнуть.
То, что должен был, — не свершил.
И неверный ты выбрал путь.
Много пил
И, увы, грешил.
А друзьями ты называл
Ну уж точно не тех, не тех.
Как бездарно ты промотал
Свой талант, разбазарил смех.
Чашу горькую пью до дна.
Поделом же мне, поделом.
Набежит речная волна,
И ударит Харон веслом.
Как сквозь сито жизнь протекла,
Не сыскать золотых шлихов.
Что осталось? Моя вина.
Да пяток неплохих стихов.

Танцует девочка...

Танцует девочка стриптиз,
Студентка и стипендиатка.
Бармены и официантки
На танец смотрят сверху вниз.
Каприз, не больше чем каприз...
Неясно: и зачем ей это?
Могла бы этим жарким летом
Ловить морской прохладный бриз.
Так нет же —
Сцена, луч и шест
И терпкий шелест баксов в плавках.
Все норовит ее облапить
Тот, кто ее глазами ест.
Пары спиртного, пот ручьем
И стойкий перегар парфюма —
В добротных фирменных костюмах
Сюда сбежалось мужичье.
Но обнаженная, как свет,
С презрением царицы Савской
Она швыряет пируэт
В тех, кто пришел глазеть и чавкать.
И у шеста, и у стены
Она пространство в прах разносит,
Везде видны следы беды —
Ее вчера любимый бросил.
Под улюлюканье и свист,
Отбросив ложный стыд, позерство,
Танцует девочка стриптиз,
Вступив с судьбой в единоборство.

Люська

Люська любит бани, снег
И на двух червях блефует,
В казино она танцует до утра –
Большой успех.
Все заезжие хачи
Говорят ей нежно:
«Пери»...
Между окнами и дверью
Мама мечется в ночи.

На малой родине

Мне б остаться в этой тишине,
Хорошенько, вволю, отоспаться.
Сон увидеть. В том заветном сне
Мне едва ли будет восемнадцать.
Я еще не знаю ни шиша,
С нею мы вторые сутки вместе.
А она чертовски хороша
Из породы редкой – рыжих бестий.
Я пытаюсь что-то говорить,
Что-то предлагать я ей пытаюсь,
У нее в глазах огонь горит,
А в кудряшках солнце расплескалось.
А она все смотрит и молчит:
Ей известно все, что дальше будет.
Этот, что так много говорит,
Все пообещает и забудет.
Это все потом, а вот сейчас...
Как он мил, желаньем преисполнен.
Станет он твоим в заветный час,
Этот час всю жизнь ты будешь помнить.
В том моем прекрасно-дерзком сне
Все за нас двоих она решила.
С нею мы на медленном огне
Жертвоприношение совершили...
Только здесь, в родимой стороне,
В сны мои хозяйкой ты заходишь.
Посидишь в звенящей тишине:
Ни слезы, ни слова не уронишь.
Да и сам я знаю – виноват,
Нет мне ни прощенья, ни участия.
Просто много лет тому назад
Я не знал, что был я просто счастлив.

«Вхожу в осенний сад твоей судьбы»

Рябины гроздья крупные горят —
Так остро ощущается предзимье.
И делается хрупким и ранимым
Твоих больших очей хрустальный взгляд.
Дорожки здесь о многом говорят:
Сюда ходило счастье, тут — несчастье,
А здесь гуляло дикое ненастье
Сегодня, как и много лет назад.
На яблонях еще плоды висят.
Убрать их до морозов не успели.
Еще чуть-чуть — накроют их метели,
Исчезнет запоздалый аромат.
Мы прощаемся у входа в этот сад,
Нам вместе быть осталось так немного,
У каждого из нас своя дорога —
Так было сто и двести лет назад,
Смотрю вперед, чтоб не смотреть назад!
Там впереди вселенский мрак и холод.
О, как же я беспечен был и молод,
Когда вошел к тебе
В осенний сад.

В краткий миг

В краткий миг забытья
Мне привиделся сон золотой:
Будто где-то есть мир,
Где мы счастливы будем с тобою.
Будет биться о берег
Веселый прибой молодой,
Ты разбудишь меня
И умоешь лучистой росой.
А пока на столе
Прикорнули чужие ключи —
Нас с тобой приютила
Подружки веселой квартира.
И сказала ты мне:
«Знаешь, лучше пока помолчим,
Очень уж далеко
До заветного светлого мира».
Наша доля пока —
Этот временный тихий приют,
Наша радость
И наша спокойная пристань.
Здесь читают стихи,
Здесь любимые песни поют,
Чайник здесь закипает
С веселым и радостным свистом.
Это здесь нам открылась
Легенда о сне золотом:
Будто есть где-то мир,
Где мы счастливы будем с тобою.
И его мы найдем.
А что будет потом?
А потом я умоюсь водой,
Что повсюду зовется святою.
Наши дети там вырастут
С доброй открытой душой,
Ты любить их научишь,
Научишь и верить, и видеть,

И подаришь нам всем
Тот великий душевный покой,
Что позволит творить
И ничем никого не обидеть.
Знаю, все это есть,
И все это должны мы найти,
Всю страну обойти,
Если надо, исползать полмира.
А пока на столе
Прикорнули чужие ключи —
Нас с тобой приютила
Подружки веселой квартира.

Ты станешь моложе

Ты станешь моложе на тысячу лет,
Я – старше на тысячу зим.
И твой ненаписанный мною портрет
Исчезнет в пещере Сим-Сим.
Его умыкнет молодой Аладдин,
В недавнем – достойный феллах,
И скажет спокойно:
Увы, господин,
Но вы разминулись в веках.
Исчезнет надежды последней глоток,
Так гибнет израненный зверь,
Уже не раздастся желанный звонок,
Закрытой останется дверь.
Ты станешь на рынок
С корзиной ходить,
Прикрывши лицо паранджой,
Научишься плов и похлебку варить,
Приличною станешь женой.
Но как-то на выставке старых картин
Мелькнет твой забытый портрет –
Тот, где ты
Моложе на тысячу зим,
А может, на тысячу лет.

Черкешенка Белла

Здесь черкешенка Белла
Кровь из вены берет,
Медсестрой служит Белла
В санатории местном.
А ее папа – князь!
Девятнадцатый год,
Поутру на завод
Отправляется честно.
Брат ее Азамат
Баснословно богат,
Он бандит и сидит.
Где сидит? Неизвестно.
Иногда он с оказией
Весточки шлет.
Их читает и рвет
Азамата невеста.

В руку Белла исправно
Вонзает иглу –
Черноглазая серна
В халатике белом.
Вечерами сидит
И скучает. В углу.
Чай попьет и вздохнет
Иногда, между делом.

Тут недавно один
Лейтенант отдыхал,
Строил глазки,
Вздыхал все,
Да делал намеки.
А еще он приехать за ней
Обещал,
Но пропал в человеческом
Бурном потоке.

Ей цыганка гадала —
Цыганка не врет —
Мол, ее украдет офицер,
Не из местных.
Белла верит в судьбу,
Свято верит и ждет.
Но дождется ли, нет —
Никому не известно.

Даже в час свой последний

Даже в час свой последний,
На смертном одре,
Жизнь свою, словно книгу,
Листая,
Буду думать я лишь
О тебе, о тебе,
Каждый миг наш с тобой
Вспоминая.

На пороге у вечности
В жарком костре,
От жары и тоски
Изнывая,
Буду думать я лишь
О тебе, о тебе,
Каждый миг наш с тобой
Вспоминая.

Суждено мне остаться
В остывшей золе,
Но частицей ее
Улетая,
Буду думать я лишь
О тебе, о тебе,
Каждый миг наш с тобой
Вспоминая.

Этот миг — он как долгая
Темная ночь,
Он как будто гроза
Молодая.

Только он, он один
Мне способен помочь.
Как?

Я, честное слово,
Не знаю.

Но уверен я в нем.
Как-то солнечным днем
Он придет, словно память
Живая.
Я воскресну,
Мы вместе по жизни пойдем,
Ни забот, ни печали
Не зная.

Вначале думал я, что это — остров...

Я буду звать тебя графией Калиостро —
Ты мне открыла формулу любви.
Вначале думал я, что это — остров.
А после оказалось — материк.
Вначале думал я — все это просто:
Придет любовь, лишь только позови.
Но вот волшебной ты
Взмахнула тростью,
И стал совсем иным мой прежний мир.
Я потерял уверенность былую,
Стал кротким взор,
И лоск былой пропал.
Не сплю, томлюсь,
Тоскую и ревную.
Как дальше жить?
Эх, кто бы подсказал.
Я стал себя вести как пес безродный.
Пытаюсь угодить и услужить.
Я больше не могу дышать свободно,
Эх, кто бы подсказал, как дальше жить.
Да кто мне что подскажет?
Что расскажет?
Все заново я должен открывать.
Твои вершины. Пропasti...
И даже когда ложиться спать,
Когда вставать.
Открыть тебя я заново обязан,
Постичь тебя я должен, покорить.
К тому же я суровой клятвой связан.
Я должен жить,
Бороться и творить.
Но нет во мне ни гонора, ни злости.
И голос честолюбия затих.
Я знаю —
Ты взмахнешь волшебной тростью
И будешь строить мир
Для нас двоих.

И отвечу...

И отвечу за все я на Страшном суде.
Будь покойна — достойно отвечу.
И за то, что бывал я неверен тебе,
За ее обнаженные плечи.
И за то, что я был непокорен судьбе,
Никогда я не шел ей навстречу.
Доверял лишь себе
И не гнулся в беде —
И за это я тоже отвечу.
И за то, что не с теми я дружбу водил,
Строгим вкусом я не был отмечен.
Но друзей я любил, дружбой я дорожил —
И за это я тоже отвечу.
Будет короток спрос,
А ответ будет прост.
Оправдание он обеспечит.
Если вдруг
Кто-нибудь что-нибудь
Не поймет,
Делать нечего — вечность не лечит.

В лифте

В лифте целуются он и она.
Лифт, притормаживая, понимает:
Вдруг да решается чья-то судьба?
Кто его знает, кто его знает...

Боже, откуда же их принесло?
Жадно губами воздух глотают.
Может быть, «крышу просто снесло»?
Кто его знает, кто его знает.

Этой истории близок конец,
Двери послушно лифт отворяет.
Что же осталось?
Грохот сердец.
Что будет дальше?
Кто его знает.

Он и она

Как она его безумно любит.
Он ей ничего не обещает.
А она любовь свою голубит,
Все ему прощает, все прощает.
Он ее не любит, нет, не любит.
Говорит об этом прямо, честно.
Но целует, пьяный, прямо в губы.
И зовет соломенной невестой.
У него жена и дочь большая –
Разве же она не понимает?
Боже мой, да кто она такая?
Все ему прощает, все прощает.
Боже, и за что ей эти муки –
Жить и ждать желанный редкий вечер.
В страхе жить – не каждая разлука
Может завершиться новой встречей.
Ухажеры роем наседают
И от предложений нет отбоя.
Кто-то даже носом землю роет,
Обещает счастье неземное.
Это все ей лестно, но не нужно.
А что нужно? И сама не знает.
Каждый вечер очень вкусный ужин
На столе в гостинной остывает.

ЛЮБОЙ ПРЕДМЕТ ДОСТОИН ГЛУБИНЫ

И перед кем мы мелкие лгуны

Любой предмет достоин глубины.
Лишь гранью познается многогранник.
Лишь в странствиях отыскивает странник
Следы свои и робкий блеск луны.
Ничтожен червь
И мерзостны лгуны.
Но ведь любой из них — судьбы избранник.
Дворцом прекрасным делает предбанник
Тот, кто дарует сладостные сны.
Мы забавляемся — беспечны и вольны.
А над планетой простирает длани
Тот, кто шутя вращает многогранник,
Тот, кто нашел все то, что ищет странник,
И перед кем мы
Мелкие лгуны.

Екклесиаст (Новое прочтение)

Проходит время, и приходит время.
И приходит человек на землю,
Чтобы уйти в нее,
Чтобы стать землей, чтобы стать
Временем.
И лишь самые достойные, самые легкие,
Не отягощенные злом,
Становятся воздухом
И заполняют собой пространство.
Сами становятся пространством.
И продолжается жизнь
В соперничестве пространства со временем.

Восточное

* * *

У старой капризной кошки
Кормушка пуста.
Хозяйка утратила страх
И не ловит мышей.

* * *

Утром сантехник, страдая похмельем,
Пристально смотрит на темную воду.
Так постигается смысл бытия.

Утром чиновник, страдая похмельем,
Вежливо смотрит на лист белоснежный.
О, вопиющая несправедливость!

Метро

1. Эскалатор – лестница жизни.
Вот она стремится вверх,
Вот она стремится вниз.
А мы – каждый на своей ступеньке.

2. Лестница жизни
Несется вверх.
Лестница жизни
Несется вниз.
В августе на бриллианты низкие цены.

3. Лестница жизни
Скользит вниз.
Мы стоим и спокойно
Ждем своей очереди.
И только самые молодые
И нетерпеливые
Бегут по ней.

4. Лестница жизни,
Идущая вниз,
Доставила нас к платформе.
Уже мы слышим шум поезда.
Так шумят воды
Подземной реки Стикс.

5. Требуются ученики
Машиниста тепловоза.
Кому-то в дальнейшем
Нужно будет возить пассажиров
По бурным водам
Подземной реки Стикс.

6. Лестница жизни,
Идущая вниз,
Доставила нас к платформе.

Поезд перевозчика Харона подан.
Но он идет лишь до следующей станции,
А оттуда
Лестница жизни
Снова устремляется вверх.

7. Лестница жизни
Стремится вверх.
Куда?
К выходу из метро.
Где снег, дождь, слякоть,
Привокзальное торжище.

По грибы

1

Стихи писать, что грибы собирать.
Вот строчка нарядная, как сыроежка.
Вот слюнявая и скользкая, как масленок.
А вот гордая и ядовитая, как мухомор.
А вот упругая, мощная и душистая –
В ней достоинство и благородство
Белого гриба.

2

Флиртовать с женщинами,
Как грибы собирать.
Одна – доступная и нарядная,
Как сыроежка.
Ее и готовить особо не надо.
Другая – слюнявая и скользкая,
Как масленок.
А вот – упругая и душистая.
В ней все достоинства белого гриба.
Такие и встречаются, может быть,
Один раз в жизни.

3

Получается интересное выражение:
Стихи = грибы, грибы = женщины.
Его можно упростить:
Стихи = женщины.
При упрощении получилась банальность.
А не надо упрощать.
И тогда получается интересный ряд:
Стихи – грибы – женщины.
И то, и другое, и третье вначале собираешь,
Затем жаришь, солишь, маринуешь, сушишь.
Нанизываешь на суровую нить.
Эта нить – твоя судьба, твоя жизнь.

Попытка к бегству

Знать бы, сколько мне осталось,
Не копил бы я «на старость»,
Припеваючи бы жил.
Я узнал бы жизни сладость,
Удаль бы вернул и младость,
Словом, жил бы не тужил.
Но ни удаль и ни младость
Не нужны —
Коплю «на старость».
Чем я это заслужил?
Что-то я не совершил.
Может, не родил я сына,
Не построил дом с овином,
Дерева не посадил?
Сыновья — они уходят.
Дом ветшает — жизнь проходит.
И в деревьях толку нет:
То ли их когда-то срубят,
То ли ветер буйный сгубит,
То ли высохнут за век.
А смиренный человек
Должен хлеб «копить на старость»
И не знать — какая жалость,
Сколько же осталось жить.
Впрочем, что тут говорить?
Мы не в силах приоткрыть
Мрачную завесу бездны.
Это, право, бесполезно,
Нечего людей смешить...
Просто высохли чернила
В Книге судеб,
Всем спасибо!
Все расписано давно.
Но рукой махнув на старость,
Не считая, что осталось,
Ты попробуй-ка, рискни!

И прекрасный день весенний
Проживи, как день последний.
От зари и до зари.
Каждый день как день последний —
Вот подарок, вот спасенье
От бессмысленных потуг.
И уже порочный круг
Суеты мирской разорван.
Ты, прекрасен и взволнован,
Вновь стоишь на кромке дня.
Все, что было до тебя,
Протекает мирно справа:
Суета, мирская слава —
Все проходит стороной.
То, что будет, — это слева.
Это вечность.
Ты несмело
Повернешься к ней спиной.
Ну, а завтра,
Так уж случилось,
Станешь вновь «копить на старость»,
Сам не зная почему.
И ни сердцу, ни уму
Толком объяснить не сможешь.
И однажды перемножишь
Самого себя на ноль.
А в твоей копилке пусто,
И тебя ломает с хрустом
Гулкая тупая боль.

Не оклематься от «Клима»,
И яйца Фаберже на лицах.
Давно пора опохмелиться,
Но вот беда – грядет зима.
Зима в суставах будит боль,
Зимой рождаются неврозы,
И без причины льются слезы.
Соль разбавляет алкоголь.
И бесприютная душа
По жизни мечется со свистом.
И тот придет, кто скажет
«Ша»,
И прослывет он юмористом,
Вождем, артистом, аферистом.
А за душою – ни гроша.

Поэт на службе
Вовсе не поэт.
Не правило он здесь,
А частный случай.
Опровержение тому –
Великий Тютчев.
Других опровержений
Просто нет.
Но есть, однако,
Маленький секрет.
Нас всех подстерегает случай.
И подтверждение тому –
Великий Тютчев.
Других же подтверждений
Просто нет.

Жизнь прошла

Жизнь прошла ни шатко и ни валко:
Так, не жизнь, а слово-паразит.
Что ж, она прошла,
Ее не жалко.
Душу жалко — ноет и болит.
Будто открывается в ней рана,
Дергает в горячечном бреду,
Говорит: меня хоронишь рано.
Вот сейчас я встану и пойду,
Сброшу тело: виданное ль дело?
В нем скитаться,
Им лишь дорожить?
В этом деле тело преуспело,
Заставляет нас себя любить.
Мы его в наряды одеваем.
В нем одном воюют и грешат.
А за все за это отвечает
Лишь она — страдалица-душа.
Скорбная и кроткая, нагая,
Вечная, как хлебный колосок,
В даль зовет, в хорошем убеждает,
Только слаб бессмертный голосок.
И сейчас пытается, родная,
На своем, на добром настоять.
Да и сам я душу понимаю —
Этому всему учила мать.
Жизнь прошла ни шатко и ни валко:
Так, не жизнь, а слово-паразит.
Что ж, она прошла, ее не жалко,
Вот душа бессмертная болит.

Как он пел и лгал

Вновь поклоняемся мы выдуманнным датам,
И снова в моде «датские» стихи.
Мордатый идол – парень вороватый
За деньги отпускает нам грехи.
Его мы сами выбрали когда-то,
Нас нрав его веселый покори́л.
А вид его слегка придурковатый
Свободу нам и равенство сулил.
Мы восторгались – как он куролесил,
Мы умилялись – как он пел и лгал.
Затем десяток наших он повесил,
А остальных отправил за Урал.
Мы спохватились,
Только было поздно –
Придурок нами править стал всерьез.
Он начал изрекать
Весомо, грозно,
И нормой стали порки и донос.
Свистела плетъ под перезвон капли,
И каждый норовил успеть предать,
И головы повинные летели –
Мы их не успевали подбирать.
Так, может быть, мы сами виноваты,
Что снова в моде «датские» стихи,
И наглый идол с рожей вороватой
За деньги отпускает нам грехи?

И видишь на идиш,
И слышишь на идиш,
И даже на идиш
Молчишь.
О добром и грустном
Ты пишешь на русском
И только на нем говоришь.
Но жизнь продолжается.
Солнце в зените.
Солдат у орудия встал.
Победные песни
Поют на иврите.
Стальные колонны ЦАХАЛ.

Я поэт

Я поэт,
А потому немного мистик.
Знак судьбы мне украшает
Лоб.
Тихий шепот облетевших
Листьев
Вызывает чувственный озноб.
В немоте рубиновой рябины,
В темно-серой неге – небеса.
В наготе
Невинной и наивной
Утопают древние
Леса.
Под ногами
Здесь, в Ханты-Мансийске,
Как ни наступай,
Не обойдешь.
Мистика забытых вечных истин,
Крик совы,
Осин ночная дрожь.

Быть или не быть

Надо, надо
Как-то жить.
Надо чем-то
Дорожить.
Восхищаться, удивляться,
И над чем-нибудь
Смеяться.
Надо, надо
Кем-то быть.
Нужно что-то
Говорить,
Чтоб тобою восхищались,
Над тобою не смеялись.
Надо, надо
Печь топить.
Хлеб растить, дрова рубить,
В редкий свой душевный праздник
И вина не грех испить.

В ожидании черного дня

Постоянно живешь
В ожидании черного дня.
Нет дворцов у тебя,
Ни жены, ни коня.
Ты чураешься милых
И звонких утех.
И неведом тебе
Оглушительный смех.
Только он,
Этот черный неведомый день,
Все собой заслонил,
Как огромная тень,
Что на солнце ложится
И давит потоки огня.
Ты всю жизнь проживешь
В ожидании черного дня.

Осень

Стояла неспешная
Теплая осень.
Она избавляла
От глупых вопросов.
Она не учила,
Как следует жить,
С кем надо дружить,
Кем и чем дорожить.
За ней золотая
Последует осень.
И нива обильна,
И сад плодоносит.
Вернул и покой,
И уверенность в дом
Достаток, рожденный
упорным трудом.

А осень промокшая
В стекла стучала.
О чем-то молила,
О чем-то кричала,
Являясь в тяжелом
Предутреннем сне
Мечтою о лете,
Тоской о весне.

Все кончилось
Низким и сумрачным небом.
Все кончилось
Дерзким нахрапистым снегом.
Все!
Кончилась осень,
Сменилась зимой,
Достойно взяла и ушла на покой.
Вот так неизменно,
Сменяя друг друга,

Все вместе мы движемся
Строго по кругу.
Рассудок теряем,
На юность брюзжим,
Зачем-то бежим,
Всё куда-то бежим.
А нет, чтоб прийти,
Как неспешная осень.
Ответить тому, кто
О чем-либо спросит,
И щедрой рукой
Заполнять закрома,
Да с доброю вестью
Являться в дома.
И душу свою
Выставляя наружу,
С презреньем плевать
На вселенскую стужу.
В миры неземные
достойно уйти,
Чтоб свежей травой
Весной прорасти.

Кавказ

Морозец, как капустный лист,
Звонящий, свежий и хрустящий.
Он неподдельный, настоящий...
Он молод и душою чист.
Он, как лихой казачий свист,
Мозги и тело леденящий.
Он весел, как всю ночь не спавший
На свадьбе сельской гармонист.
Как он вообще сюда попал —
В предгорья строгого Кавказа?
Он стал своим мгновенно, сразу,
И всякий здесь его признал.
И покорилося все ему:
Вершины горные и степи,
Покрылись тонкой коркой реки
И звезды разрубили тьму.
Он был недолго, этот гость,
Затем ушел в свои пределы,
Снег нам оставил — белый-белый.
Рябины кисло-сладкой горсть.

Я все пытаюсь уловить
Одну связующую нить.
Ты что-то мне тогда сказала —
И по рукам меня связала,
Затем связала по ногам.
И вот не здесь я и не там,
А где-то строго посередине —
То ли в пустыне, то ль на льдине.
Пытаюсь я бежать, ползти,
Прошу: прости и отпусти.
Я не могу дышать и плыть —
Крепка связующая нить.

Пел надрывно нищий в переходе

«Все пропью, а флот не опозорю», —
Пел надрывно нищий в переходе.
И лиловый якорь на предплечье
Обретал багровые тона.

Он сипел, выхаркивая с кровью
Те слова, что мы забыть успели,
И неслись они к причальной стенке,
Разбиваясь о ее бетон.

От причальной стенки отползая,
Песня гасла в полосе прибоя,
Обессилов, тихо умирала
В переборках старых кораблей.

Имя, Дело и Слово святое

Мы с тобою наметом уйдем
В ночь, где движутся призраки горя.
Нас с тобою встретят предгорья
Пулеметным шквальным огнем.
Мы на шашках своих пронесем
Имя, Дело и Слово Святое.
Что же, пусть
Нас встречают предгорья
Пулеметным шквальным огнем.
Будет горек свинцовый упрек,
Нам его принимать нужно стоя.
С нами Имя и Дело святое,
Перед нами – жестокий Восток.

Суметь своих найти

Сидеть и умствовать в кругу друзей
И беспредельно этим наслаждаться:
Во что-то верить, в чем-то сомневаться,
Лить всем на души радостный елей.
Всех призывать честней быть и смелей
И лишь мечтам безумным отдаваться.
По вечерам веселью предаваться,
Не замечать унылых, мрачных дней.
А ночь длинна, как «список кораблей»,
Но понимаешь, поздно или рано,
Что узок сонм блистательных теней,
Чья мудрость глубока и первозданна.
Нелегкий труд – суметь своих найти,
Прочувствовать, как бездна многогранна,
И в ней не раствориться по пути,
Ведь мало избранных, хоть слишком много
Званных.

Там, где свои, там всех нас ждет покой,
Нас ждет уют последнего приюта.
Под гордой Вифлеемскою звездой
Нам вечностью покажется минута.
С рассветом в путь нас позовет Орфей,
Он нам велит побриться и прибраться.
Пока же мы сидим в кругу друзей
И умствуем, чтоб этим наслаждаться.

Увы, увы, увы, увы...

Мелькать быстрее стали дни,
Глаза непрошено слезятся,
Нам больше не с кем попрощаться —
Увы, но мы с тобой одни.
Но вспомним, как когда-то мы
Умели плакать и смеяться,
Как за руки любили взяться.
Да, вспомним, как когда-то мы...
Побед блистательных огни
И море бурное оваций.
Сумей над суетой подняться —
Учили нас всегда они.
Неспешно все они ушли,
Нам заповедав оставаться.
Нам больше не с кем расставаться —
Увы, но мы с тобой одни.

Вроде как родник иссяк

Разлетелась тишина,
Словно лопнула струна,
На боку лежать осталась
Перемерзшая страна.
Ведь не голод, не война.
Вроде и сума полна —
Просто в сердце нету веры,
Как-то кончилась она.
Вроде как родник иссяк —
Под копыта брошен стяг,
И стучат теперь копыта
То ли эдак, то ли так.
Каждый сам себе мастак —
Судит эдак, судит так.
А часы остановились —
Не слышать ни тик, ни так.
Каждый суслик — агроном,
А в речах — победы гром.
Говорит, мол, нет пророков,
Скоро новых заведем.
Новоявленный пророк
Обещает: «Дайте срок!»
Срок ему, конечно, дали,
Но и срок ему не впрок.
И все время ходим мы
Как по лезвию беды.
Говорят, на то Россия,
Нет у нас другой судьбы.

По воробьям

Из пушки я палю по воробьям,
А для чего палю, и сам не знаю.
Зачем хорей мне или, скажем, ямб,
Когда из пушки я палю по воробьям
И в добром здравии
При этом пребываю.
Да от такого выбора пути
Давно бы мне пора с ума сойти.

А я же — нет,
Я от восторга пьян.
Я водку пью и семгой заедаю.
Из пушки я палю по воробьям
И сам себя за это уважаю.
Вот так, увы, проходят дни мои,
А надо мной кружатся воробьи.

Кто мы и откуда мы

Отражается в окне
Чье-то фото на стене.
Кто его туда повесил,
Не понять тебе и мне.
Выцветший такой портрет:
То ли деспот, то ли нет.
Может, это старый маршал —
Кто раскроет нам секрет?
Кто расскажет нам про то,
Что он был, никто, ничто,
А потом вознесся круто,
На шинель сменив пальто.
Со звездой шлем надел,
По ночам не спал, потел —
Правда, больше на допросах,
Но ведь лучшего хотел.
Он построить мир хотел,
Чтобы всяк плясал и пел,
Но, увы, не получилось.
Заслужил себе расстрел.
Был расстрелян и прощен
И в герои возвращен,
А потом опять развенчан,
После — снова был прощен.
А ведь мог бы жить да жить,
Мясо есть и водку пить.
Сапоги тачал он славно,
Мог бы и костюмы шить.
Ну, а так — портрет висит,
А с портрета — что спросить?
Вот остались бы костюмы,
Может, кто б и стал носить.
Путь, что выбираем мы,
Он лежит во тьму из тьмы.
Мы же часто забываем,
Кто мы и откуда мы.

Когда с ума сойдешь от скуки

Когда с ума сойдешь от скуки,
Ты, чтобы время скоротать,
Начнешь ловить слова и звуки
И рифмы станешь сопрягать.
Ты мир создашь, родишь героя.
Его заставишь песню спеть,
Сравнишь его с самим собою,
Затем прикажешь умереть.
И словно мастер на все руки,
Начнешь ты валенки тачать.
И это все, заметь, от скуки.
Тут ни добавить, ни отнять.
Так что ж за штука эта скука?
Откуда столько силы в ней?
Она ведь двигает науку
От древности до наших дней.
Нас двигает она в походы,
Пытаясь скрасить наши дни.
Уходят в море пароходы,
На маяках горят огни.
Нам на планете стало тесно.
От дел захватывает дух.
Признаться честно — интересно
Жить стало нам, любезный друг.
Но эти строки прочитав, я понял вдруг —
Мне скучно стало.
И я тогда себе сказал:
«Все, надо начинать сначала».

Второе пришествие

Он пришел.
Мы его не узнали:
От полиции еле ушел
На вокзале.
Проповедовать стал,
Тут ему и сказали,
Мол, давай убегай.
И едва не связали.
Свой ночлег он нашел
У какой-то Азалии,
Что снимала квартиру
Вместе с Розалией –
Мужиков привечали,
К себе приводили.
Что-то там о любви
Все они говорили.
Наливаясь вином,
Становились добрее,
Приласкать все пытались
Смешного еврея.
Он пришел в этом облике
Провинциальном,
И замечен был снова
На рынке центральном.
Был задержан без денег,
Без документов.
Разговор был серьезным,
Без сантиментов.
Поначалу скрутили,
Потом – отпустили,
И достаточно вежливо
Так попросили,
Чтоб туда убирался,
Откуда явился,
А еще чтоб побрился,
Подстригся, помылся.

Чтоб глаза не мозолил,
Мозги бы не пудрил.
Чтобы шел и работал,
Как добрые люди.

Свобода

Пришла, и не узнали мы ее.
Спросили: «Кто ты?»
Говорит: «Свобода!» —
«Та самая, которая у входа?» —
«Та самая,
Какая же еще?»
Смешнее мы не видели уroda:
Венец терновый, иглы под плющом,
Глаза большие,
Рот — в полнебосвода
И тельце грязное под
Стареньким плащом.
Здесь было много всякого
Народа.
И каждый лез к двери,
Работая плечом.
И каждому нужна была своя свобода,
И каждый со своим пришел ключом.
Свобода маялась,
Хотела есть и пить.
Никто не согласился заплатить.
Ведь каждому нужна была
Своя свобода.
Своя, не эта — рот в полнебосвода,
Фи, тельце грязное
Под стареньким плащом.
Отправились все к ночи
Жрать и спать.
И бросили свободу умирать.

Передвигались медленно...

Передвигались медленно, зато,
Как правило, писали на века.
На лист пергаментный
Весенним ясным днем
Ложилась неподъемная строка.
Чернила сохли, замедляя бег,
А строки только крепили и мужали.
В них отражались месяц, год и век...
Писцы секрет какой-то верный знали:
Не изменяют те чернила цвет —
Вот в чем загадка, а разгадки нет.
Как нам отдали эти строки свет?
Как мудрость вековую передали?
Мир познавали медленно, зато
О мире что-то важное сказали.
Кто что сказал?
Не так уж важно — кто.
А важно то, что это мы узнали.
Тушь черная на белый лист легла.
Исполнен долг
Красиво и достойно.
И можно умирать теперь спокойно.
Слова останутся —
В них будут жить дела.

Тушь, кисточка
Да иероглиф.
Родился, рос и вот — почил.
Каллиграфический автограф —
Все, что ты миру подарил.
Все, что успел,
На что хватило,
Все, что в себе взлелеять смог.
Так, пустячок, пристойно, мило.
Тут весь ты — с головы до ног.
Конец пути — его начало.
Здесь все, на что достало сил.
А много это или мало?
Об этом у кого спросить?
Уже, пожалуй, и не спросишь.
А спросят разве что с тебя.
Судьба последний лист уносит,
И тихо падает звезда.
Но снова к городским воротам
Волхвы с подарками идут.
А утром — новые заботы,
И нужно собираться в путь.

Взгляд

1.

Разбирая архивы,
Случайно наткнешься
Ты на чей-то непрошено брошенный взгляд.
Многолетней пылью
Здесь все припорошено,
Трудно вспомнить,
О чем здесь слова говорят:
Здесь они невесомые и бестелесные,
Рвется тут беспрестанно словесная нить.
Им не стать ни веселою песней,
Ни пьесою.
И не хочется вновь
Те слова повторить.

2.

Взгляд – иное.
Он держится гордо и цепко.
Он тебя провожает и видит насквозь.
Взгляд, как вечная жесткая сцепка
Между тем, что хотелось,
И тем, что сбылось.
Вот и ранние грезы
Схватил он случайно,
Вот и поздние слезы нам бросил в лицо.
Ранил больно,
Но, нет, не нарочно – случайно.
Был он добрым всегда
И не слыл подлецом.

3.

Взгляд на мир этот бренный
Глядит виновато.
Он и рад бы помочь,
Но поможешь ли тут?

И зияет он грустной нелепой заплатой
На полотнище вечном.
А годы бегут.

4.

Полотно прохудилось,
Безжалостно рвется.
Нет дороги вперед,
Нет дороги назад.
Ну а нам —
Что же нам остается?
Ничего.
Да непрошено брошенный взгляд.

СЕСТРА ИРОНИЯ

О волке безумном замолвите слово

Ребятам из Моссада
Совсем немного надо:
Щепотку самосада
Да горсть родной земли.
Они бы были рады
Иной какой награде,
Но так у них в Моссаде
Однажды завели.
И как-то раз в засаде
В районе зоосада
Ребята из Моссада
Свой выполняли долг.
А в это время рядом,
Вихляя тощим задом,
Бродил со злобным взглядом,
Голодный старый волк.
Он был не просто старым,
А злобным и поджарым.
Бродил в тоске по саду
И знал в засадах толк.
Подкрался тихо сзади
К ребятам из Моссада
И в собственной засаде
Залег. И там продрог.
И так они сидели
И тупо в ночь глядели —
Ребята из Моссада
И одинокий волк.
Но наступило утро,
Блистая перламутром,
И в сторону Бейрута
Прошел гвардейский полк.
Приказом по Моссаду
Была снята засада.

Ребятам тем в награду
Раздали самосад.
А волк, вихляя задом,
Поплелся к зоосаду.
А зоосад, понятно,
Конечно, не Моссад.
А как ему хотелось!
Ведь он сидел в засаде
И заслужил, конечно,
Не просто горсть земли.
Он заслужил, конечно,
Щепотку самосада,
Но табачка в Моссаде
Ему не припасли.

Жил Каллиграф

Жил Каллиграф Каллиграфович Дзинь
В эпоху династии Тан.
Вечером он, посетив магазин,
Опорожнял стакан.
Утром Дзинь, принимая душ,
Упорно думал о том,
Как свяжет судьбу свою
Черная тушь
С неистово белым листом.
И как иероглиф обязан лечь,
Натружено мыслил Дзинь,
Чтобы во гневе
Не выхватил меч
Осанистый мандарин.
Ну а потом,
Напрягая глаз,
Про воду забыв и рис,
Он начертать пытался не раз
Святой иероглиф «жизнь».
Но «жизнь» не случилась,
Не задалась.
И не на что было смотреть.
И Дзинь уяснил,
Что придется писать
Ему иероглиф «смерть».
Да, Каллиграф Каллиграфович Дзинь
Мог лишь несмело молчать,
Когда осанистый мандарин
Работу пришел принимать.
И был он разгневан, и строг, и крут,
И на расправу скор.
И вот уже меч, описав полукруг,
Итожит их разговор.
Что ж, если захочешь ты начертать
Святой иероглиф «жизнь»,
То накануне стакан поднимать,
Пожалуйста, откажись.

С Вовкой

С Вовкой мы ходили в баню.
В баню с Вовкой мы пошли.
Банку с белыми грибами
В бане с Вовкой мы нашли.
А еще мы поллитровкой
Спозаранку запаслись.
И сказал тогда мне Вовка:
«Белый гриб и поллитровка –
Это славно, это жизнь».
В бане парились мы с Вовкой
Очень долго – битый час.
Ни грибы, ни поллитровка.
Не дождались с Вовкой нас:
С нами были две девчонки,
Две нелепые судьбы,
Выпили они водчонку
И поели все грибы.

А хочешь...
(женский вопль)

А хочешь, я брошу спасательный круг
И стану твоею судьбой?
И все, кто сейчас проживают вокруг,
Начнут восхищаться тобой –
Сантехник из ЖЭКа, пенсионер,
И наш хулиган заводной.
Ты дашь им надежду, покажешь пример –
Все станут гордиться тобой.
Но только тебе на меня наплевать –
И ночи и дни ты в пивной.
Ты сам ничего не желаешь менять,
Доволен собой и судьбой.
Сантехник из ЖЭКа мне нагло дерзит,
Твоей называет вдовой,
А ночью мне из подворотни грозит
Ножом хулиган заводной.
И знаю я точно, любезный мой друг,
Но думать об этом боюсь,
Что если я твой не сломаю недуг,
Тогда и сама я сопьюсь.

Альтер эго

В сапогах, в собольей шапке
Да с деньгою за щекой
Шел ни шатко я, ни валко,
Возвращался я домой.
Был на площади дворцовой,
Видел я дворец-ларец,
Был на ярмарке фартовый
Разудалый молодец.
Что купил-продал, не скажешь,
Не поверит мне никто,
Никому и не покажешь,
Так все это велико.
Ни в карман его не сложишь,
Ни в платок не завернешь.
И захочешь, да не сможешь,
И соврешь — не донесешь.
Я в шинке его пытался
За пол-литра заложить,
Только, видно, зря старался —
С ним придется дальше жить.
С ним вставать зарею ранней,
С ним ложиться почивать.
Морды бить заезжей рвани
Тоже с ним,
Ни дать ни взять.
Что же это, брат, такое?
В чем загадка, в чем секрет?
Иль колечко золотое?
Бриллиантовый браслет?
Нет. Не то и не другое.
Эти вещи я носил.
Что же это, брат, такое?
Я у доктора спросил.
Доктор, что судьбою ведал,
Глянул строго, сплюнув спесь:
«Подхватил ты альтер эго —
Неприятную болезнь».

Да, ответил как отрезал.
И ушел, а я хожу.
И на это альтер эго
Сверху вниз себе гляжу.
Ведь не грипп и не ангина
Эта, прямо скажем, хворь,
Не бронхит, не скарлатина,
Не ветрянка и не корь.
По ночам не беспокоит,
Днем тишком себе сидит,
На рассвете, правда, ноет,
Вечерами, блин, болит.
То вопросом растревожит,
То упреком в бок ширнет.
Упрекнет меня в безбожье,
Сладкой ленью попрекнет.
То напомним мне про старость,
Годы, дни начнет считать,
Знает, сколько мне осталось.
Да откуда может знать?

Ничего, зима наступит,
Вновь на ярмарку пойду.
У меня, быть может, купят
Эту самую беду.
Да на торжище безбожном,
Где царят азарт и фарт,
Верно, будет мне не сложно
Лоху втюхать свой товар.
И тогда с покупкой новой
Он уже пойдет домой,
Будет думать, что фартовый,
Что лихой да удалой.
Ну а я в сторонке встану,
Пот рукой со лба смахну.
Табачок крутой достану,
Самокрутку заверну.

Погляжу спокойно в небо —
Даль прекрасна и светла.
Бог с ним, с этим альтер эго —
Больно ноша тяжела.

ВЕСТИ ИЗ ДЕРЕВНИ ПРЕДЕЛКИНО

Кто ты...

Кто ты, путник в свитке рваной?
И куда вершишь ты путь?
Может быть, в твоих карманах
Задержалось что-нибудь?
Может быть, кого оставил
Ты в соседнем городке?
Может быть, играл без правил
В придорожном кабачке?
Может, ты кого ославил?
Может, не оплачен долг?
Отчего ты так печален?
Почему ты одинок?

Не ограбил, не ославил,
Без долгов Господь один.
Жил неспешно, Бога славил,
Сам себе был господин.
Не богат я был, не беден.
Был достаток, крепкий дом,
Были добрые соседи,
Сад вишневый за окном.
Только как-то
Темной ночью,
В миг, когда сгустилась мгла,
Вдруг ко мне
Явилась строчка
И на белый лист легла.
А затем пришли иные,
Их я быстро записал,
И, как в годы молодые,
От восторга задрожал.
День закончился ненастный,
Замаячил свет в окне.
Тут я понял: это счастье
Заглянуло в дом ко мне.

Был я счастлив, но недолго.
Что поделаешь – судьба...
И тогда уже дорога
За собою позвала.
В стороне чужой скитался,
Только время тратил зря...
Запинался, ошибался...
И подался за моря.
Все испробовал, изведаль,
Всюду первым гордо шел,
Знал падения, победы,
Только счастья не нашел.
Захотел домой вернуться,
Только где там – продан дом,
И от вишен уж не гнутся
Ветви под моим окном.
Песни не разносит ветер,
Отзвук радостных утех,
И не слышен на рассвете
Беззаботный женский смех.
Хочется поставить точку,
Но сомнение гнетет:
Вдруг Всевышний явит строчку,
Вдохновение пошлет.
Вяло теплится надежда,
Вместе с нею тлеет жизнь.
Уж истрепаны одежды,
И в карманах ветра свист.

Дело близилось к закату
Над неспешною рекой,
Разметал свои раскаты
Славный вечер огневой.
Посидели, покурили...
Помолчали, разошлись.
Что-то не договорили,
В чем-то не разобрались.
Я ушел, а он остался

Ждать прихода новых строк,
В замкнутом своем пространстве
Бесконечно одинок.
Ждать, дерзать, творить ли, верить —
Каждый сам ведет свой счет,
Счет победам и потерям.
Чет ли, нечет. Нечет — чет.
На ребро ль монета ляжет,
На решетку, на орла,
Кто поведает, расскажет?
Даль бездонна и темна.
Но поднять поможет плечи
И зажечь надеждой взор
Краткий миг случайной встречи,
Откровенный разговор.
Откровенность откровеньем
В души мерзлые войдет,
И восторженным мгновеньям
Будет тут утерян счет.
Лишь однажды утром ранним
Ты спроси, и в этом суть:
«Кто ты, путник в свитке рваной?
И куда вершишь свой путь?»

Так было модно

Писатель жил, работал на дому.
Он сам себе свою тюрьму построил.
Сам для себя был трусом и героем,
Сам для себя писал свое «Муму».
Он много дал бы сердцу и уму, когда бы
(Вам один секрет откроем)
Он не считал бы сам себя изгоем.
А почему? Известно лишь ему.
Так было модно некогда считать
Себя непонятым и всеми нелюбимым,
Отверженным, покинутым, гонимым...
Стихи про это самое писать.
И было модно плакать и молчать,
Слюну пускать и водку пить без меры.
Тому мы знаем множество примеров,
Так стоит ли их начинать считать.
Но вот однажды в теплый зимний день
К нему внезапно слава постучалась,
Пришла, разделась и в любви призналась,
Смахнула сопли и прогнала лень.
И стало все прекрасно, ясен пень.
Невесть откуда деньги появились,
Случилось все, о чем мечтал — случилось:
Любовь пришла и расцвела сирень.
Скулить он бросил, начал строить дом,
Себя любить, свою гордыню тешить.
Он повторять любил, что, дескать, грешен,
Но с этим разберется он потом.
Но стали тут товарищи пенять,
Мол, мало пьешь, других не угощаешь
И сопли на кулак ты не мотаешь.
Как это все прикажешь понимать?
Да как же смеешь ты стихи писать,
Не пропустив созвучья через душу?
Он вечером упреки скорбно слушал,
А утром начиналось все опять.

Он понимал, что надо выбирать —
В достатке жить, остаться ли поэтом...
Но как же не хотелось делать это,
Опять болеть, скитаться, пропадать.
Он сына вырастил, построил крепкий дом,
А вдоль ограды посадил березы.
Попробовать себя хотел он в прозе,
Но не успел, и это все о нем.

Вместо эпитафии:

**Здесь вечным сном писатель некий спит.
Увы, ничем он не был знаменит.**

Писатель сел писать роман

Писатель сел писать роман,
Ему сюжет во сне приснился:
Летят на дальний север птицы,
На юг плетется караван.
Ревел могучий океан
И в злобе бешеной ярился...
Держали курс на север птицы,
На юг стремился караван.
Герой, тот хоть и был болван,
Но на принцессе смог жениться.
А папа у нее султан —
Свой флот, гарем и вилла в Ницце...
Летят на дальний север птицы,
На юг стремится караван.
Читатель скажет так:
Обман. И в жизни мне не пригодится.
А между тем летели птицы
И вдаль стремился караван.
Обман? А что не есть обман?
И как он долго будет длиться?
Пока летят на север птицы,
На юг плетется караван.

Был у города поэт

Был у города поэт,
У поэта — город.
Был поэт в расцвете лет,
Обожал он споры.
А еще он обожал, чтоб его хвалили.
Город весь его читал, и стихи любили.
Город воспевал поэт истово и страстно,
Жители ему в ответ говорили: «Здравствуй!»
Город рос,
А с ним поэт —
Вместе возмужали.
И в достоинствах своих женщин убеждали.
Город также убеждал
И мужчин достойных,
Он гордыню с них сбивал резко и спокойно.
Город привлекал мужчин звонкою монетой,
Но поэт его любил вовсе не за это.
А за сказочный рассвет и закат медовый,
За разгаданный секрет
Жизни звонкой, новой.
Так бы им и вместе жить,
Но пришла усталость,
Каждый стал себе служить, призывая старость.
Каждый начал сам себя
Обливать елеем
Да усиленно искать повод к юбилеям.
Выдохся поэт, затих,
Скорбным стал и желчным,
В славных игрищах лихих больше не замечен.
Город также начал жить
По иным законам.
Стал пред сильным лебезить,
Гнуть хребет в поклонах.
Был у города поэт, у поэта — город.
Но поэта больше нет — стихли разговоры.

Город нынче много пьет,
Толстым стал и скучным,
Здесь народ без меры врет,
Каждый ищет случай.
Каждый ищет вариант, переездом бредит,
Кажется, что скоро все встанут и уедут.
Город сном тяжелым спит,
И прервется это,
Если город породит нового поэта.

Кинжал

Завалился за диван
Недочитанный роман,
А в углу стоять остался
Нераскуренный кальян.
Под стеклом кинжал лежит,
Был когда-то знаменит.
Холодно ему и скучно —
Кто его развеселит?
Кто возьмет его с собой,
Чтоб вступить в тяжелый бой?
Только бой ему не светит.
Он ничей, ни твой, ни мой.
Он — музейный экспонат,
Посетителям он рад,
Но они проходят мимо
Вот уж много лет подряд.
Кто бы с ним потолковал,
Он бы много рассказал:
Про походы и про битвы,
С кем дружил, кого знавал.
Он не стал бы рьяно врать,
Сказки о себе слагать.
Это люди привирают,
А стальному что скрывать?
Много знает ветеран:
Кто раскуривал кальян,
Как писал роман хозяин,
Правда где, а где обман.
Как хозяин жил-служил,
Чьею дружбой дорожил.
И за что на самом деле
Голову свою сложил.
Но хозяин мифом стал,
А кинжал в музей попал.
В гроб стеклянный положили,
Чтобы много не болтал.

Вот он под стеклом лежит,
Сделал вид, как будто спит.
Верит, что наступит время,
Он тогда заговорит.
Но коварное стекло знает:
Время истекло.
Если узник что расскажет —
Не поверит в то никто.
Не услышит, не поймет,
Близко к сердцу не возьмет.
Никому не интересно —
Дел своих невпроворот.

Диспут

Была ты когда-то в восторге
От виршей простых и наивных,
А я все пытался поспорить
И звал восхищаться моими.
А ты повторяла упрямо,
С достоинством храмовой жрицы,
Что муза моя полигамна
И, мол, под любого ложится.
Я полон был негодования,
Готов был о стены я биться,
Когда, прочитав лишь название,
Ты вниз опускала ресницы.
Твое учащалось дыхание,
Себя же я чувствовал плохо,
Когда ты, присев на диване,
Читала нелепые строфы.
И автором вновь восхищалась,
Он что-то писал там про осень.
Во мне все внутри раскалялось,
И я становился несносен.
Я делался желчным и дерзким,
Тебе выговаривал резко,
Крича: графоман он безвестный,
И все, что написано, — мерзко.
Потом мы с тобой поженились,
А он стал великим поэтом.
И споры у нас прекратились.
Вот так.
И довольно об этом.

ДУШНЫЕ СНЫ

* * *

Измельчали люди, как река,
Та, что в колыбели нас качала.
Не найти теперь своих причалов,
Рушатся родные берега.
Руслом не своим судьба течет,
Омуты безмолвием пугают.
Кто-то вдруг бесследно пропадет.
«Окаянным дням» утерян счет.
Дальше «что и как» — никто не знает.
Ждем весны, авось пойдут дожди,
И вода опять заполнит русло.
Новые появятся вожди,
Новые идеи, мысли, чувства.
Забурлит и вспенится река,
Мусор весь сметая, без остатка,
Принесет нам счастье «на века»,
Вечный мир, спокойствие, достаток.
Это мы умеем — долго ждать.
Также долго запрягать умеем,
Если что представится сказать,
Так и то — не скажем, оробеем.
Вот и остается — не брюзжать,
А еще надеяться и верить,
Каждый день на лодке выезжать,
Чтобы русло старое промерить.
Каждый день, и снова, и еще...
А вода, как прежде, убывает.
Солнце так безжалостно печет,
И дождей никто не обещает.

Ящик для ...
(в стиле фламенко)

Снова мода на ножи,
Пистолеты и кастеты.
Ничего не стоит жизнь,
Так, не более песеты.
Вот отчаянный смельчак
В руки крепко взял нунчаки.
Он-то знает, что и как,
Он – на острие атаки.
Ветхий мусоропровод,
Остро пахнувшая крышка.
Из беретты метко бьет
Недоразвитый мальчишка.
Мы сидим, в окно глядим,
Наседаем на конфеты,
В голове клубится дым,
Да грохочут кастаньеты.
Лихо чистит нам мозги
Электронная дурилка.
Мы свою меняем жизнь
На дешевые картинки,
На убогий карнавал,
Тот, где правят бал менялы.
Забивают все подряд сериалы, сериалы.
Новый идол правит тут,
Грозный бог – рекламный ролик.
Он за несколько минут
Подавляет нашу волю.
Под веселый перепляс
Мы о прошлом забываем.
И не беспокоит нас,
Кто там нами управляет.
Будущего нет у нас,
Мы смиренны
И покорны.

А за это в поздний час
Нам показывают порно.
Снова мода на ножи,
Пистолеты и кастеты.
Я боюсь, что не дожить
Нам с тобою до рассвета.

Будем гордиться своей красотой

Будем гордиться своей красотой,
Если уж нечем гордиться.
Сможем простою напиться водой,
Если уж нечем напиться.
Будем мы вместе с родною страной
В светлое завтра стремиться.
Всех остальных поведем за собой,
Станем в пути веселиться.
Если мы вдруг не вернемся домой,
Может такое случиться,
Кто-то иной под счастливой звездой
Сможет на свет появиться.
Будет он этот иной – не такой:
Сильный, к наукам способный.
А будет он твой или будет он мой –
Разницы нет тут особой.
Сможем тогда мы уйти на покой:
Наше все в нем повторится.
Горн боевой протрубит нам отбой,
Слезы застынут на лицах.

Мамина книжка

Сегодня сынишка не ел и не спал,
Он мамину книжку упорно верстал.
Страничка к страничке, стежок за стежком.
Вот сказка о птичке, гнездо под снежком.
Обильные росы, трава у земли.
Вот мамыны косы у лавки легли.
Стремлением к подвигу полнится грудь —
Вот так избираются доля и путь.
И строчка за строчкой,
Стишок за стишком...
Вот мамаина дочка под стол, да пешком.
Вот встали палатки в урмане глухом,
Вот стих, как построили школу и дом,
Как бревна пилили, месили бетон,
По-братски делили и хлеб, и бекон.
Как чай на вечернем костре закипал,
Как новую песню товарищ слагал
О том, что не струсил никто,
Не солгал
И был в этой песне счастливый
Финал.
Был солнечным, ярким финальный аккорд.
А вот и стихи про великий рекорд:
Про то, как героев тогда не нашли,
Про то, как наградами всех обошли.
«Был каждый героем, и что нас искать?» —
Грустила по этому поводу мать.
И много о чем между строк прочитал
Сынишка, что мамину книжку верстал.
Он так торопился, хотелось успеть,
Ведь мама болела, могла умереть.
Что ж, так и случилось,
Душа отлетела,
И песню земную она не допела.
А книжка осталась — на полке стоит.
Свечой поминальною скромно горит.

Я Толкиена толком не читал

Я Толкиена толком не читал.
Не знаю ни колец, ни Властелина.
Лепила что-то дочь из пластилина
И попросила, чтобы не мешал.
А за окном ярился и крепчал
Несущий холод
Забубенный ветер.
На окна пеленой ложился
Вечер,
Мерцал во тьме магический кристалл.
Негромко на столбе фонарь стонал,
Прочувствовав сиротство и
Никчемность,
И падала на плечи пледом
Леность,
И близился неясный, но финал.
А дочь уже закончила лепить.
Возникли башни, стены крепостные
С воздушными мостами подвесными,
Шпиль украшала золотая нить.
Я захотел с ней что-то обсудить.
Она молчала, мне не отвечала.
Потом так как-то нехотя сказала:
— Ты Толкиена толком не читал,
А коли так —
О чем нам говорить?

Убывает в колодцах вода

Убывает в колодцах вода —
Это Солнце над нами
Смеется.
Заглянула в колодцы звезда.
От тоски высыхают колодцы.
К горлу вновь подступает жара,
Лютой жаждой она обернется.
Нет, не то чтобы выпил вчера —
Это Солнце над нами смеется.
Мы великие все — в мелочах,
Кое-что нам порой удается,
Только чувствуем узость в плечах —
Это Солнце над нами смеется.
Задаем за вопросом вопрос,
Ищем долго ответы — веками.
Что в итоге?
А фига под нос —
Это Солнце смеется над нами.
Есть мечта — путеводная нить:
Мы к светилу хотим подобраться
И такое там с ним сотворить,
Чтоб оно перестало смеяться.

Живем с отметкой Бога на челе

Живем с отметкой Бога на челе.
На весь народ Всевышний штамп поставил.
Мы жили без запретов и без правил,
Брели себе по девственной земле.
Коптилось мясо сочное в золе,
Погонщик караваном споро правил,
Затем свои шатры кочевник ставил.
Хлеб и вино — все было на столе.
Так время уходило сквозь песок,
Так жили мы, просеивая время,
А утром вновь, поставив ногу в стремя,
Мы дальше шли.
Нас обнимал Восток.
И солнце нас манило за собой,
Нам ноздри рвал
Степной колючий запах.
За солнцем вслед
Мы двигались на Запад —
Туда, где рокотал морской прибой.
И точно в срок усталый караван
Колодец находил
В пространстве знойном.
Так жизнь текла
Спокойно и достойно
Среди чужих больших и малых стран.
А дальше был дарован нам Завет,
А с ним законы, мудрость и запреты.
И мой народ отправился по свету
Скитаться
И нести ученья свет.
Нам это нужно было или нет?
Кто это знает?
Кто нам даст ответ?

Если я не умру по дороге домой

Если я не умру по дороге домой,
Я, конечно, дойду до родного порога.
Мне бы только узнать, что порог этот —
Мой.

Это в принципе, все,
А, по сути, не так уж и много.
Если я не умру по дороге домой,
Я останусь с одной
Из большого количества женщин.
Ошибиться нельзя, выбор делая свой.
Здесь играешь с судьбой.

Вот —
Ни больше ни меньше.
Если я не умру, если все же
Домой попаду,
Жить сначала начну,
Этот мир, он, увы,
Бесконечен.

Буду поздно ложиться
И спокойно вставать поутру,
Буду честен, спокоен
И попросту где-то беспечен.
Будет что рассказать,
Будет также о чем промолчать.
Я начну исправлять что-нибудь
В новом доме.

Стану жить-поживать
И друзей привечать.
Ладно, пусть не друзей,
Пусть хотя бы хороших знакомых.
И однажды проснувшись,
Я пойму, что мне не зачеркнуть,
Со стола не смахнуть
Весь мой путь и мои бесконечные встречи.
Все со мной.

Мне бы только понять как-нибудь,
Что же было случайным,
А что стало пропуском в вечность.
Буду хлеб свой ржаной
Запивать я парным молоком.
И меня привечать станут храмы
В молчании строгом.
Это будет.
Конечно же, будет
Потом.
Если я не умру и дойду
До родного порога.

Все труднее засыпать

Все труднее засыпать,
Так же трудно просыпаться.
Нужно сильно постараться,
Чтоб как можно меньше знать.
Если станешь узнавать
Ты в неясных силуэтах
То ли тех, а то ли этих,
То не сможешь сладко спать.
Начинаешь уставать
Досконально что-то помнить.
Видишь ряд каких-то комнат,
Лиц каких-то длинный ряд.
Начинают хохотать,
Извиваться и кривляться
Эти, что хотят казаться,
А они — ни дать ни взять.
И не нужно напрягать
Ни глаза, ни ум, ни память...
Просто нужно все оставить,
Ничего с собой не брать.
Не дано судить тебе,
Здесь ты, право, третий лишний.
Все за нас решит Всевышний
И приказ отдаст судьбе.

Самолепные дома

Самолепные дома, развалюхи, недотроги.
В них история сама расселилась у дороги.
Помнят посвист ямщиков эти низкие оконца,
Утром испокон веков в них заглядывает солнце.
И о тусклое стекло
Разбивался взгляд прощальный.
Время между рам текло,
Разбавляя звон кандалный.
В нем проклятия и плач.
Ветер дерзкий грозно воет.
Где-то узнику палач пятерней глаза
Прикроет.
Узник в лица палачам
Перед смертью рассмеялся.
Смех тот слышен по ночам.
Он меж бревен жить остался
Где-то в недрах чердаков
Тех домов подслеповатых,
Что стоят во тьме веков,
Словно в чем-то виноваты.
Обрели они приют у обочины дороги.
Всё стоят, чего-то ждут,
Развалюхи, недотроги.

Зима в деревне

Зима страшит ее бездельем,
Аморфностью своей страшит.
И тем, что новый понедельник
Уйти немедленно спешит.
Смешит метель, швыряет снегом.
Зима морозами грешит.
И под тяжелым серым небом
Равнина скорбная лежит.
Бело.

Дорог нигде не видно,
Над крышами столбом дымки.
А ей порой бывает стыдно
За бесполезные деньки.
За то, что пусто на подворье.
И нищета, как тошнота —
Застряла тяжким комом
В горле.
А в сердце правит темнота.
Нет даже малого просвета,
Надежды тоже больше нет.
И даже скорбного совета
Никто не сможет бросить вслед.

Весна на Кавказе

Трель канарейки, за окнами снег.
На можжевельнике — белые шапки.
Робко плывет над долиной рассвет,
Прошрое наше сгребая в охапку.

Что-то случится, а может быть — нет.
Кто-то погибнет в яростной схватке.
Тянется долгая летопись лет,
Кем-то подчищенная для порядка.

Рьяно авгуры поют вразнобой,
Вязкое что-то в небе витает.
Кто же предатель, а кто же герой —
Истины мы никогда не узнаем.

Что нам тогда остается с тобой?
Водка в бутылке с пестрой наклейкой?
Пыль на карнизах, сервиз голубой.
Снег за окном да напев канарейки.

На еловых лапах снег

На еловых лапах снег.
Фонари на фоне тусклом.
Отчего же по весне
Мне порой бывает грустно?
Незаметно жизнь течет
Словно по стволу живица.
Все, что было, — все не в счет?
Ничего не повторится?
Не вернется резвый смех?
Удаль яро не взыграет?
На еловых лапах снег.
Он лежит себе, не тает.
Но вот-вот придет апрель.
Задрожит капель на ветках,
И тогда предстанет ель
В лучезарном новом свете.
Разорвав привычный круг,
Что пропитан грустным ядом,
На друзей и на подруг
Посмотрю я новым взглядом.
И узнаю я себя
В молодых счастливых лицах.
Кто сказал, что никогда
Ничего не повторится?
Ух, захватывает дух от того,
Что будет летом!
Но пока не буду вслух
Я рассказывать об этом.
Так бывает, что весной
Ляжет снег, как символ грусти.
Нас помучает с тобой,
Но недолго.
И — отпустит.

Мы научимся жить

Мы научимся жить
В этом мире вещей.
Обменяем на них
Вдохновение наше.
Будем счастливы, если
Тарелку наваристых щей
За обедом дополнит еще
И овсяная каша.
В супермаркеты будем,
Как в храмы на службу
Ходить.
Все хватать без разбора,
Вот удача-то –
К празднику – скидки.
Будут лишние вещи нам
Много и щедро дарить,
Просто так раздавать
Дорогие спиртные напитки.
Мы привыкнем к халяве
И будем парить высоко.
Так всегда привыкаешь
К дурной невзыскательной славе,
А с былым мы расстанемся,
Вы уж поверьте, –
Легко.
Будут нами иные идеи
Безродные править.
Мы за это боролись –
На что же нам нынче пенять?
Мы бросались под танки,
Упиваясь пустыми речами.
И судили мы лихо: виноват,
Виноват, виноват.
И шахтерскими касками
Мы по брусчатке стучали.

Развалили страну.
Кто у нас не в дерьме, тот
В ярме.
Кто «сидит на трубе» —
Тот живет и не знает печали.
Мы живем словно в липком, кошмарном
И тягостном сне.
Кровь из нас беззастенчиво
Лихо и властно качают.

ПОСТОДИССЕЯ, или ПЕНЕЛОПА, КОТОРАЯ ДОЖДАЛАСЬ

Драматическая поэма

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Одиссей – царь, властелин острова Итака, участник Троянской войны. Не был дома тридцать лет.

Пенелопа – его жена.

Телемах – сын Одиссея.

Двое из сонма богов – Старший бог и Младший бог.

Ветераны – соратники Одиссея, также участники Троянской войны.

Служанки во дворце, часовые.

Примечание: Автор читал Гомера и знает, что Одиссей отсутствовал двадцать лет. Но, тем не менее, предлагает свою версию.

АКТ ПЕРВЫЙ

Картина первая

Царские покои. Залы, мраморные колонны, дубовые двери.
Все очень достойно.

Пенелопа

Что, царь?

Служанка

Еще он крепко спит.

Вчера был бой,

И он устал, наверно.

Пенелопа

Да, после драки той
он шлялся по тавернам
и щедро угощал.
Стал знаменит.
С полдюжины уродливых скотов
Его внесли домой лишь утром ранним.

Служанка

Царица, это были ветераны –
Все из числа
Прославленных бойцов,
Они в походах проливали кровь,
И в них они свою снискали славу.

Пенелопа

Все это так, но кто же дал им право
Вломиться под священный царский кров?
Вон в зале улеглись, лежат в саду...
Храпят, смердят
И стоны выпускают.
И царь хорош. Все к битвам призывает.
Орет во сне. Нет, я с ума сойду...
Я этого ждала так много лет?
Я к этому безудержно стремилась?
А что ему? Едва домой явился,
Напился –
А меня как будто нет!

Картина вторая

Те же и Одиссей.

Одиссей

(Голос царя из глубины)

Эй, кто-нибудь!
Подайте мне вина!

Покрепче,
Чтоб все было без обмана...

(Увидел царицу. С удивлением)

Тут женщина. Ты кто?

Пенелопа

Твоя жена.

Одиссей

Моя жена? Звучит довольно странно.
Нет, все ты врешь. Нас жены дома ждут.
А это что? Мой дом? Моя Итака?
Да это же кабак. Здесь пьют и жрут.
Попутный ветер ждут. Обнять и плакать.
Послушай женщина, уж больно ты стара.
Что ж девок молодых нигде не видно?
Я помню, много было их вчера.
Сегодня — ни одной.
Прости, обидно.

Пенелопа

Ты негодяй!
Растленный мерзкий тип!
Ты — сын овцы и пьяного барана!

Служанка

Царица, тише. Муж ваш
Снова спит.
А что нам делать с бандой
Ветеранов?

Пенелопа

Всех вон! На берег!
Быстро под прибой.
И пусть волна им всем мозги продажит.

Я не могу сносить
Их мерзкий храп и вой.
За что же боги так меня карают?

Картина третья

Двое из сонма богов – Старший и Младший.

Старший бог

(обращаясь к Младшему)

Ты что наделал?
Ты зачем споил
бродягу и пройдоху Одиссея?
Ты, может, что-то с этого имеешь?
А на царицу глаз ты положил?
Ты взятку взял... И кто же заплатил?
Из женихов? Так он уже покойник.
Верни-ка все назад.
Чтоб было все пристойно.
А то, поверь, и сам не будешь рад.

Картина четвертая

Служанка и Пенелопа.

Пенелопа

Что, царь?

Служанка

А он давно в саду.
Под розами рыхлит усердно землю.

Пенелопа

Кто с ним?

Служанка

Философы. Он их советам внемлет,
Дань отдавая мирному труду.

Пенелопа

Все говорят – вчера борьба была.

Служанка

Да, кровь лилась. Азартно пели стрелы.
Он победил. Фортуна любит смелых,
Благословляя добрые дела.

Пенелопа

Смерть лютую считаешь ты добром?

Служанка

Он честь спасал в жестоких поединках.
При этом сам мог много раз погибнуть.
Вам ли не знать, что было бы потом.
Суд победителей коварен и жесток,
А приговор – позорнейшее рабство.
Был выбор невелик – достойно драться.
И победить.
И он стоял на том.

Пенелопа

Но знатных много полегло людей.
И были даже те, кто пал невинно.
Все больше из родов они старинных –
Титаны и герои наших дней.
Ох, как бы новой не было войны.
Ему ведь будут мстить,
Он это знает.
Царю, как видно, боги помогают.
А те в своих решениях вольны.

Служанка

О, госпожа, вот царь сюда идет.

Пенелопа

Ты нас оставь.

Я кликну, если нужно.

Служанка

Боюсь, царица, встреча с вашим мужем
Вам много огорчений принесет.

Картина пятая
Одиссей и Пенелопа.

Пенелопа

Хвала богам! Сегодня все как встарь.
Ты в добром здравии и наконец-то дома.

Одиссей

Сударыня, мы с вами незнакомы.
Я – Одиссей с Итаки. Козий царь.

Пенелопа

Мы не знакомы?
Что ж, пусть будет так.

Одиссей

А вы, я вижу, здешняя царица?
Вы замужем?

Пенелопа

Вдова.
Уже лет тридцать.

Лет десять как ворчлива и стара,
Совсем седою стала голова,
Лицо в морщинах,
Что уж — не девица.

Одиссей

Я думаю, ваш муж отважно бился.

Пенелопа

Так утверждает вещая молва.

Одиссей

Что стало с ним? Где и когда пропал?

Пенелопа

Погиб, как видно, при осаде Трои.

Одиссей

Там много славных полегло героев.
Утратив жизнь, ваш муж великим стал.
Был бесконечен этот славный бой.
И я был там.
Могли мы биться рядом.
Никто из нас не требовал награды,
Готов был каждый жертвовать собой.

Пенелопа

А что же все вы там приобрели?
Богатство, славу,
Может быть, бессмертье?
Я твердо знаю, вы уж мне поверьте,
Вас просто, как младенцев, провели.
Вы двинули на Трою корабли,
Пытаясь возвратить шальную бабу.
Зачем же вам все это было надо?

За что же вы чужие храмы жгли?
Вы множили число сирот и вдов,
Свои дома залили вы слезами.

Одиссей

Прошу меня простить,
Но даже с вами
Я обсуждать все это не готов.
Короче стали тени на стене.
Что ж, день – не век,
Не может вечно длиться.
Сударыня, я должен удалиться.
Дела не ждут.
Пора и вам, и мне.

Картина шестая

Старший бог и Младший бог.

Старший бог

Не может быть!
Ее он не узнал.

Младший бог

Да ведь они не виделись лет тридцать.
Оставил он ее почти девицей,
И вот почти старухой повстречал.

Старший бог

Да, неприятный, скажем так, финал.
Для эпоса он явно не подходит.

Младший бог

Да не финал еще. Ведь все проходит.
Простите, но не помню, кто сказал.

Старший бог

А я бы с ним хотел потолковать.

Младший бог

Что, с Одиссеем?

Это против правил.

Старший бог

Когда мы можем что-нибудь исправить,
На правила мы можем наплевать.

Младший бог

Вы – Старший бог. Тут вам и карты в руки.

Но правила ведь пишут наверху.

И на старуху может быть проруха.

И нос, глядишь, окажется в пуху.

Так нужно ль рисковать?

Им, смертным, что?

Для них ведь век отмерен.

Им все равно где жить, где умирать.

Им хорошо,

Они во что-то верят.

Зачем у них все это отнимать?

Ну для чего встречаться им с богами?

Они ведь станут слишком

Много знать.

И как же после этого

Мы с вами

На судьбы их сумеем повлиять?

Они нас просто станут «посылать»,

Занудами считать и дураками.

Так для чего своими же руками

Свое величие мы станем разрушать?

Старший бог

Ну, хорошо. Меня ты убедил.
Теперь скажи:
А что же дальше будет?

Младший бог

Посмотрим. Одиссей наш не debil.
Жену-то он забыл,
Но не забудет,
Когда и как врагов он победил.
А коли так, тогда, быть может, вспомнит:
За что убил блистательных мужей.

Старший бог

(в сторону)

А я-то думаю,
Куда мальчишка клонит.
Да он не по годам умен,
Злодей.

Конец первого акта.

АКТ ВТОРОЙ

Картина первая

Пенелопа и служанка.

Прошло какое-то время. Время вообще здесь спрессовано
и перемешано. У него нет линейного течения.

Служанка

Царица, к нам идет какой-то флот.

Пенелопа

К нам? А зачем? И скоро ли прибудет?
Что будет дальше, если флот придет?
Что боги говорят, пророки, люди?

Служанка

Одни молчат, другим на нас плевать.
А вот народ... Встревожен он, и сильно.
Еще вчера все было очень мило,
А нынче соли в лавках не достать.
Купцы дома зачем-то продают,
Все, что плывет, скупают без разбора.
На рынке беспокойно – драки, ссоры.
Того глядишь, вот-вот – и побегут.

Пенелопа

Так это же (*зажимает рот*) ойна.

Служанка

Она, она.

Пенелопа

Где государь?

Служанка

Он встал довольно рано.
На берегу сидит, с ним ветераны.

Пенелопа

Вот так дела!
Дела, дела, дела.
Все у тебя?

Служанка

Да, все. Я побегу? (*Убегает*)

Пенелопа

(*Отрешенно*)

Бежишь – беги.

А мне куда бежать?
Взять щит и меч и с целым флотом биться?
Что может сделать слабая царица?
Молиться может, плакать и молчать.
На милость божию осталось уповать
Да на супруга ветреного злиться.
В момент последний можно отравиться.
А, все равно!
Теперь недолго ждать.

Картина вторая

Одиссей на берегу в окружении ветеранов.

Одиссей

Проспались все, героев славных сброд!

Первый ветеран

Царь, где мы? Где?

Ведь это же Итака.

Одиссей

Она, она, обнять ее и плакать!

Вон пристань, а на пристани народ.

И все хотят по-быстрому «свинтить»,

То бишь сбежать – подальше, поскорее.

К нам флот идет. Там те, в ком ярость зреет,

За смерть своих хотят нам отомстить.

Второй ветеран

Нам отомстить! За что же нам-то мстить?

Горгона в глотку им! Все было по закону.

Пока ты воевал и был вдали от дома,

Они могли всего тебя лишить.

Ты просто был обязан их убить.

Одиссей

Да ладно. Что тут долго говорить
О чести, о порядках, о законах.
Тем, кто сюда плывет, все это незнакомо.
Им грабить хочется.

Третий ветеран

Тогда скажи, как быть?

Одиссей

Пойдете в порт, найдете там людей —
Воров, контрабандистов и пиратов.
Пообещайте: щедро, мол, заплатим —
С добычею вернулся Одиссей.
А им я в управление отдам
Все острова, все бухты, все проливы.
Купцов налогами обложат, коз, оливы,
А все доходы — строго пополам.
Но пусть они сначала флот сожгут,
И на галерах есть чем поживиться.
А мне пора навеститься к царице —
Нас все еще, быть может, дома ждут.
Где Телемах?

Первый ветеран

Два дня как он исчез.
Как, почему, зачем —
Никто не знает.
Возможно, где-то войско собирает,
А может, нет.
Короче — темный лес.

Одиссей

Так, с этим разберемся после мы.
Пока — все в порт, пусть боги помогают.

Чтоб тихо было все.
Коль что-то враг узнает...
Смотрите, не сносить нам головы.

Картина третья

Служанки. Они подсматривают.
В спальню к Пенелопе входит Одиссей.

Служанка

Ворвался к ней он словно ураган.
Схватил ее и тут же бросил в ложе.
О, как же это на него похоже.
Он прежний, наш... Он наш.
Хвала богам.

Пенелопа

(В разнеженном состоянии. Напевает)

Так что ж? Я больше не вдова?
Скажи мне, милый мой.
Я снова мужняя жена?
И ты пришел домой.
Вакханок сладкие черты
Растаяли как дым.
И снова вместе я и ты —
Союз наш нерушим.
Не гредишь ты уже о той,
Далекой и шальной.
Ты снова мой и только мой,
Желанный и родной.

(Постепенно приходит в себя. Осматривается)

Что я несу? Ужасный бред.
А кто мне даст ответ:
Куда исчезли тридцать лет?

Кошмарных тридцать лет.
Как мне прикажешь их забыть,
О, повелитель мой!
Прикажешь вновь тебя любить?
Ведь ты пришел домой.
А может, ядом боль унять,
Страдания заглушить?
Куда мне от себя бежать?
И как мне дальше жить?

Входят служанки. Одиссей спит.
Спальня наполняется его могучим храпом.
Служанки приступают к омовению Пенелопы,
а затем и Одиссея.

Картина четвертая

Одиссей спит. Служанки ушли. Пенелопа одна.

Пенелопа

Я что, и вправду стала так дурна,
Что он ко мне боится прикоснуться?
Хотелось бы заснуть и не проснуться.
Грудь дряблая, седая голова —
Ничто его ко мне уж не влечет,
И он моих не жаждет поцелуев.
Так, все не в счет, и я сама не в счет.
Я вижу, что его я не волную.
Он просто свой спешит исполнить долг,
Он почитает это добрым знаком.
Пресыщенный, в любви ты знаешь толк —
Таким ты возвратился на Итаку.
А мы, увы, что знаем о любви?
У нас она скромна, провинциальна.
Любовь у нас бедна — всегда одна.
И все до ужаса банально.

Одиссей

(Проснулся уже давно и слушает Пенелопу)

Послушай, Пенелопа, мы с тобой
Давно уже не парочка подростков.
Был труден путь, но я пришел домой.
Я понимаю, все у нас не просто.
Не зачеркнуть те страшные года
И не забыть жестокую разлуку.
Тех лет уж нет, их унесла вода.
Остались наши чувства, души, руки.
Наш дом, наш сын.... Где, кстати, Телемах?

Пенелопа

(безразлично)

Не знаю я,
Ушел, наверно, в море.
Ты счастье на семи искал ветрах,
Его черед пришел с судьбой поспорить.

Одиссей

Не очень он удачный выбрал час.
Враг у ворот нам смертью угрожает.
И в этот миг наш сын бросает нас.
О, боги! Ничего не понимаю.

Пенелопа

Да полноте, чего тут понимать?
Одних находим мы, иных, увы, бросаем.
Скажу тебе я, Телемаха мать,
Его прощаю и благословляю.
Что будешь делать ты?
О хитрости твоей
Легенды на земле давно слагают.
Ты что-нибудь придумал, Одиссей?
Придумал, я гляжу.
Что ж? Пусть. Потом узнаем.

Картина пятая

Одиссей среди ветеранов.
Те докладывают о проделанной работе.

Одиссей

Пираты, что?

Первый ветеран

Живут и хлеб жуют,
Но от союза с нами отказались.
Проливы, бухты так себе возьмут...

Одиссей

Что прямо так они вам и сказали?

Первый ветеран

Примерно так.

Одиссей

А остальные что?

Второй ветеран

Контрабандисты, воры, как пираты:
Вы, говорят, тут сами виноваты,
Вот сами и работайте мечом.

Одиссей

Ну, наглецы! Я их просил о чем?
Просил плечо нам в трудный час подставить.
Они же бьют под дых... Все нипочем.
Такое хамство так нельзя оставить.
Собрать всех наших! К бою корабли!
Я знаю сам, что их у нас немного,
Но с нами боги моря и земли.
Богов небесных уж не будем трогать.

Вбегают третий ветеран.

Третий ветеран

Царь, я узнал...
Узнал, где Телемах.
Здесь, рядом.
Там увидел я такое.
Вот это мощь и силище. Размах.
Я этого не видел даже в Трое.
Одиссей с ветераном уходят.

Конец второго акта.

АКТ ТРЕТИЙ

Картина первая

Часовые Телемаха, Одиссей.

Первый часовой

Стой! Кто идет?

Одиссей

Ты что там, угорел?
Я – Одиссей!

Первый часовой

А мне плевать, однако.
Стой, где стоишь!
У нас довольно стрел,
Чтоб продырявить вас,
Клянусь Итакой!

Одиссей

Ну нет, ты видел?
Вот так молодец!

И глазом не моргнет,
Как нас уложит.
Да, будет непредвиденным конец.
Я – здешний царь!

Первый часовой

Сейчас. Пойдем, доложим.

Одиссей

А кто ваш вождь?

Второй часовой

Великий Телемах!

Одиссей

Вот это да. Он и уже великий?

Второй часовой

Да, он велик и в мыслях, и в делах.
Клянусь тебе богини ясным ликом!

Возвращается первый часовой.

Первый часовой

Который Одиссей – проходит пусть.
Второй же тут останется, на месте.

Одиссей

Ты, грусть, молчи!
Молчи, моя ты грусть.
Ну, молодежь,
Ни совести, ни чести!

Картина вторая

В сопровождении часового Одиссей проходит по тоннелю.
Выходит на площадку, вырубленную в скале над морем.
Он видит внизу крепостные стены, бастионы, рвы.
Во внутренней бухте стоят боевые корабли. На плацу
и открытых площадках маршируют и тренируются
солдаты. На ключевых позициях – часовые.
Навстречу Одиссею поднимается его сын Телемах.
Он в боевых доспехах, которые ярко блестят на солнце.

Телемах

Привет тебе, отец.
Чуть свет – ты на ногах.
Заботы за тобой толпою ходят?

Одиссей

И ты будь счастлив, сын мой Телемах.
Ты что, не знаешь, что тут происходит?
К нам движется чужой могучий флот.

Телемах

Здесь нет чужих флотов и быть не может.

Одиссей

Да нет же, сын. Молва о нем идет.
И это нас не может не тревожить.

Телемах

Да что за флот? Кто мог его собрать,
Набрать солдат и к нам сюда направить?

Одиссей

Да те, кто страстно жаждут убивать
И для своей потехи жаждут грабить,
Кто нам с тобою хочет отмстить
За тех, кого мы жизни тут лишили.

И что нам делать, мы должны решить.
А то не оказаться б нам в могиле.

Телемах

Отец, моя разведка мне не врет:
Угрозы нет и быть ее не может.

Одиссей

А флот?

Телемах

Есть флот. Есть мой военный флот.
Скажи мне, что еще тебя тревожит?

Одиссей

Постой, сынок. Откуда корабли,
Солдаты и оружие откуда?

Телемах

Я все купил, и боги помогли.
Коль в чудо верить, то случится чудо.
Был найден клад, огромный древний клад
На острове. И найден он был мною.
Случилось это много лет назад,
Ты занят был бессмысленной войною,
У матери был вечный карнавал —
Рой женихов спесивых и бестактных.
Я крепость выстроил, я армию набрал
И стала неприступною Итака.
Ты видишь боевые корабли:
Вот, женихам они принадлежали,
Но воины мои их штурмом взяли,
И нас с тобой от гибели спасли.
В солдат моих я верю, в моряков —
Жизнь отдадут и душу за Итаку.

Теперь они к любой готовы драке.
Способны одолеть любых врагов.
Жаль только – нынче мало дураков,
Кто захотел бы с нами потягаться.
Солдата гробит мир, он должен драться,
Диктует опыт множества веков.

На этих словах Телемах поворачивается
и, не прощаясь, уходит.

Одиссей

Речь вдохновенная, здесь нечего сказать.
Звучат слова не мальчика, но мужа.
Что ж, мне же остается лишь гадать:
А сам-то я кому-то буду нужен?

Картина третья

Старший бог и Младший бог.

Старший бог

А ты не знаешь, кто ему помог?

Младший бог

Какой-то бог. И может быть, из главных.
Была поддержка, есть уже итог.
Он скоро встанет в строй героев славных.
А что ж? Вот так до старости сидеть
Ему в тени папаши Одиссея?
А ждать чего? Пока старик созреет,
При этом растолстеть и облысеть?
А так – монарх, красивый, молодой,
И перспективный, и честолюбивый.
Хороший воин – дерзкий, удалой,
Не держится за юбку и оливы.
Ротация – такой больной вопрос.
Как двигать молодежь, нам не известно.

Царя не отодрать у нас от кресла —
Вот и сидит он до седых волос.
Ну и созрел в верхах эксперимент.
И парень там кому-то приглянулся.
Крутнулся где-то, как-то провернулся,
Как говорят у нас — лови момент.
Нашли ресурсы. Как же — найден клад...
Откуда на Итаке взятьсякладам?

Старший бог

Да, ладно, я за парня очень рад.
И мы с тобою вроде не в накладе.

Младший бог

Да, господин. Растет ваш личный счет.
Захвачен флот. Разгромлены пираты.
Мы эти факты вставим в наш отчет
Ну и распишем все витиевато.

Старший бог

Отцу бы надо что-то предложить —
Обеспокоен я его судьбою.

Младший бог

Что беспокоиться? До смерти будет жить
В своем дворце с любимой женою.

Старший бог

Ну а награда?

Младший бог

А награда — жизнь.
Не то, вон на пиру, как Агамемнон.
Богам попробуй где-то «нет» скажи...
Они суровы и мольбам не внемлют.

Картина четвертая

Прошло время. Всем управляет Телемах.
Он разгромил пиратов, воров и контрабандистов.
Собирает налоги. Его родители лишь номинально
считаются царствующими особами.
Одиссей и Пенелопа.

Пенелопа

О, государь!

Одиссей

Любимая, заткнись!
Какой я царь? Я просто иждивенец.
Я целый день плюю с балкона вниз,
Я пью вино и тешу чахлый пенис.
Я груб? Да, груб.
А должен быть учтив...
Обязан в комплиментах рассыпаться,
Угодничать и дамам грубо льстить,
С ничтожеством обязан целоваться.
Так, мол, велит дворцовый этикет.
До ветру не сходить без этикета.
Для этого я жил? Кто даст ответ?
Ответов нет, но есть зато советы.
Совет смириться, не гневить богов,
Не унывать, а то утонешь в луже.
Еще твердят – закон судьбы таков.
О боги, ну кому все это нужно?
Да, каюсь, был царьком. Не без затей.
Да, был хитер, но был и любопытен.
«Ну и чего ты жаждал, Одиссей?» –
Спроси меня.
Отвечу я – открытий.

Пенелопа

Наш юный царь, великий Телемах,
Тебя он любит, чтит и привечает.

Одиссей

Кошмарное смятение в умах.
Кто тут кого великим назначает!

Пенелопа

О боги, милый мой, зачем кричать?
Ведь во дворцах у стен бывают уши.

Одиссей

Так, стало быть, я должен замолчать.
Что? В нашей спальне могут нас подслушать?
А может быть, нам можно приказать?
И наказать, наверно, тоже можно?

Пенелопа

Не надо бы словами вам бренчать.
Все это, милый, так неосторожно.

Одиссей

Я за себя сумею постоять,
И честь мечом я защитить сумею.

Пенелопа

На сына ты посмеешь меч поднять?
Ты не посмеешь...

Одиссей

Верно, не посмею.
Чего уж тут? Да ладно, побреду.
Пойду пройдуся, а то заныли раны.
Искать не надо. Я на берегу.
В таверне там собрались ветераны.
Мы посидим и песни попоем,
Так, вспомним о своих былых походах,
Вина попьем, вином тоску зальем.
Увидим, как над морем солнце всходит.

Картина пятая

Берег моря. Скалы. В прибрежной пещере
собрались ветераны. К ним входит Одиссей.

Одиссей

Ну что, друзья, готовы корабли?

Первый ветеран

Да, в полночь ускользнем, и не заметят.

Второй ветеран

Куда мы поплывем?

Одиссей

На край земли.

Своим тавром

Отныне будем метить

Проливы, острова, материки.

Пойдем к Столбам,

Затем в Гиперборею.

Друзья мои, мы с вами моряки!

Нам ветер дальних странствий душу греет.

И родину мы новую найдем

И новой назовем ее Итакой.

Ну а теперь мы выпьем и споем,

Любимую споем,

Обнять и плакать.

Исполняется финальная песня.

Курс – на Север

Кто теряется на ночь,
Кто – на несколько лет
Свой находит приют
У какой-нибудь юбки.
Меркнет памяти свет
И теряется след,
Словно след уходящей
От пристани шлюпки.
Шлют портовые шлюхи
Прощальный привет.
Мы отходим от стенки,
И подняты сходни.
Меркнет памяти свет,
И теряется след
Где-то там, в лабиринтах...
Уходим, уходим...
И уже не найти нам обратно пути.
А, быть может, и нам
Это вовсе не нужно.
Путь иной мы должны
Непременно пройти,
Невзирая на льды
И полярную стужу.
Север легкие лечит и чистит мозги.
Здесь все сложное станет
Простым и понятным.
Курс – на Север.
И пусть мы не видим ни зги,
Пусть наш кок – пьяный малый
Одет не опрятно.
Курс – на Север, все ясно.
И выбора нет
У ватаги хмельных
И бездомных матросов.
Это наш запоздалый
И краткий ответ

На безумное множество
Глупых вопросов.
Что? Когда и зачем?
Отчего? Почему?
Ты меня разлюбил?
Жить со мной надоело?
Ты уйдешь, а к кому?
Что с тобой? Не пойму! —
Над причалом еще очень долго висело.
А потом поглотил все
Веселый прибой.
Все рассыпалось,
Словно соленые брызги.
Только чайки горланят
У нас за кормой,
Тоже требуя сытой
И радостной жизни.
Что ж, за воздух держись,
Продолжается жизнь.
Прет корабль вперед,
Шелестит парусами.
А у жизни еще есть крутой поворот.
И должны мы поспеть
За ее чудесами.
И поспеть, и посметь,
И в глаза посмотреть
Тем, кто бросит вослед
Нам слова укоризны.
И послать свой последний
И дерзкий привет
Той, что нас поведет
За собой после жизни.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛЮБИТЬ ЭТОТ КРАЙ ТЯЖЕЛО...

Березы в снегу	3
Полюбить этот край	4
Я вернусь... ..	5
Конец сезона.....	6
Безветренно, морозно, тишина.....	7
В белопенной седой стороне	8
Белый город.....	10
В удачу поверив	11
Весенние заморозки.....	13
Р-217	15
Рюкзак	17

ИНЬ И ЯН

Ночь-воровка.....	19
Бабье лето	20
Золотится слеза на стекле	21
Я хотел бы тебя лепить	22
Ко мне приходит женщина одна	23
Пятая печать	25
Она сочиняет рассказ	26
Как долго мы с тобой живем?.....	27
Бес в ребро	29
Ты попросишь... ..	30
Танцует девочка... ..	31
Люська	32

На малой родине	33
«Вхожу в осенний сад твоей судьбы»	34
В краткий миг	35
Ты станешь моложе	37
Черкешенка Белла.....	38
Даже в час свой последний	40
Вначале думал я, что это – остров.....	42
И отвечу.....	43
В лифте.....	44
Он и она.....	45

ЛЮБОЙ ПРЕДМЕТ ДОСТОИН ГЛУБИНЫ

И перед кем мы мелкие лгуны.....	46
Екклесиаст (Новое прочтение).....	47
Восточное.....	48
Метро	49
По грибы	51
Попытка к бегству.....	52
«Не оклематься от “Клима” ...»	54
«Поэт на службе...»	55
Жизнь прошла.....	56
Как он пел и лгал	57
«И видишь на идиш...»	58
Я поэт	59
Быть или не быть	60
В ожидании черного дня.....	61
Осень	62
Кавказ	64
«Я все пытаюсь уловить...»	65

Пел надрывно нищий в переходе	66
Имя, Дело и Слово святое.....	67
Суметь своих найти.....	68
Увы, увы, увы, увы.....	69
Вроде как родник иссяк	70
По воробьям	71
Кто мы и откуда мы.....	72
Когда с ума сойдешь от скуки	73
Второе пришествие.....	74
Свобода.....	76
Передвигались медленно... ..	77
«Тушь, кисточка да иероглиф...»	78
Взгляд	79

СЕСТРА ИРОНИЯ

О волке безумном замолвите слово	81
Жил Каллиграф	83
С Вовкой.....	84
А хочешь... (женский вопль).....	85
Альтер эго.....	86

ВЕСТИ ИЗ ДЕРЕВНИ ПРЕДЕЛКИНО

Кто ты... ..	89
Так было модно	92
Писатель сел писать роман.....	94
Был у города поэт.....	95
Кинжал	97
Диспут	99

ДУШНЫЕ СНЫ

«Измельчали люди, как река...»	100
Ящик для ... (в стиле фламенко)	101
Будем гордиться своей красотой	103
Мамина книжка.....	104
Я Толкиена толком не читал.....	105
Убывает в колодцах вода	106
Живем с отметкой Бога на челе.....	107
Если я не умру по дороге домой	108
Все труднее засыпать.....	110
Самолепные дома.....	111
Зима в деревне	112
Весна на Кавказе	113
На еловых лапах снег.....	114
Мы научимся жить.....	115

ПОСТОДИССЕЯ, или

ПЕНЕЛОПА, КОТОРАЯ ДОЖДАЛАСЬ..... 117

Перед вами, уважаемые читатели, третья книга югорского литератора И.В. Кириллова (литературный псевдоним И. Северский). В этом индивидуальном сборнике автор рассказывает о непростых взаимоотношениях между людьми, о жизненном пути наших современников, которые, преодолевая непростые коллизии, ищут своё предназначение, свой круг близких по духу людей, свою «землю обетованную».

И.В. Кириллов родился 1 декабря 1954 года на Украине в г. Красный Луч Луганской области. В годы службы в рядах Советской армии в областной молодёжной газете «Молодогвардеец» выходит его первая большая подборка стихов. После службы И.В. Кириллов уезжает в Западную Сибирь, где и живёт вот уже около сорока лет.

Его стихотворения постоянно публикуются на страницах местных и окружных газет, а с 1997 года – в коллективных поэтических сборниках, которые выходят в Ханты-Мансийском автономном округе. И. Северский является постоянным автором окружного литературно-художественного альманаха «Эринтур», его произведения публиковались в журналах «Литературная учёба» и «Наш современник».

И.В. Кириллов – заслуженный деятель культуры ХМАО-Югры, член Союза российских писателей, член Союза журналистов России.